

ДМИТРИЙ РОГОЗИН

БАРОН ЖОЛТОК

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РОССИИ

ОТЕЦ

Ближе к весне мне приходилось прилетать в Москву всё чаще. Отцу становилось день ото дня хуже, и я боялся, что, когда наступит развязка, меня не окажется рядом. Лечащий врач, военный медик с вечно грустными глазами и мягким голосом, убеждал меня, что успеет предупредить об ухудшении состояния отца, — мол, столько генералов провожал и знает, что Смерть — старуха педантичная. Всё у нее по часам, всё выверено, хозяйство плановое. Никто еще с таким тяжелым заболеванием с ее крючка не соскакивал, но и раньше положенного ею не умирал.

Но, как говорится, нет правил без исключений. Батя оказался человеком крепкого тела и воли, и он вовсе не собирался уступать даже такой уважаемой даме, как Смерть. Врачам и правда было чему удивляться. Его сердце не сдавалось, несмотря на лошадиные дозы обезболивающего. Обычно человек в его возрасте после таких инъекций не протянул бы и двух недель, а этот боролся, сердце его качало жизнь в мозг, мозг продолжал мыслить, анализировать всё, что случилось со старым генералом, для которого госпитальная койка стала последним рубежом обороны.

РОГОЗИН Дмитрий Олегович родился 21 декабря 1963 года в Москве в семье крупного организатора советской оборонной промышленности и военной науки О. К. Рогозина. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор философских наук, специальность “философия и теории войн”. Автор ряда книг по вопросам военной стратегии и политики. Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. Первый заместитель председателя Организационного комитета “Победа”.

Палата представляла собой небольшую комнату с кроватью, на которую был брошен дополнительный матрас. Узкий холщичик-пенал с разобранным креслом, убогим журнальным столиком и усталое дребезжающим холодильником соединял ее с буличным коридором. По нему то и дело с грохотом проезжали тележки с какими-то подносами, стаканами, баночками и скляночками. Это медсестры развозили по палатам лекарства и еду для больных, кто уже ослаб настолько, что не мог себе позволить доковылять до столовой, расположенной на этом же этаже — за лифтовым холлом. Старики возмущались этим грохотом робко — они не хотели портить отношения с медперсоналом, от которого они зависели буквально во всем. Врачи, сестры и сиделки убирали за прикованными к кровати бывшими героями и кумирами. Они кормили их с ложечки, вливали в дряблые и прилипшие к костям вены глюкозу, приносили скудный, подчиненный диете обед и протирали их тела на ночь влажной губкой. Что говорить — не все родные морально были готовы так ухаживать за своими стариками, так что грех было сердчать на грохочущие тележки и громкие разговоры в госпитальных коридорах. Шум ремонтных работ в соседнем корпусе, закрытом на реконструкцию, и звон провозимой мимо палат посуды будил больных, но и сообщал им одновременно, что они еще живы.

Так в этом Центральном военном клиническом госпитале имени П. В. Мандрыки, спрятанном в Сокольниках, доживали свой век последние генералы Советской армии.

Чуть ли не через день в палату отца заглядывали его коллеги-сослуживцы, друзья и бывшие подчиненные, считавшие себя его учениками. Все они, как могли, пытались поддержать генерала, при этом старались придать себе излишне беззаботный вид, будто батя вот-вот поправится и скоро все снова встретятся дома у моих радушных родителей. Мне же и сестре Татьяне гости наперебой рассказывали, “какой у нас отец”, охотно вспоминая при этом, как когда-то он им здорово помог. В эти тяжелые для всей семьи дни я много хорошего узнал об отце.

Иногда в палату заходили и вовсе не знакомые нам люди, посчитавшие своим долгом засвидетельствовать ее хозяину свое почтение. Возможно, лишь праздное любопытство толкало их в эту комнату, куда госпитальное начальство помещало смертельно больных знаменитостей и просто уважаемых в Вооруженных Силах людей. Как-то раз начмед госпиталя, который пришел проводить отца и деловито пощупать его пульс, торжественно объявил, что именно на этом матрасе скончался митрополит Питирим. Отец тогда явно не понял историчности момента и лишь внимательно слушал оживленную беседу сопровождавших своего начальника врачей, охотно вспоминая обаятельного владыку Питирима, оставившего о себе среди медперсонала самые теплые и сильные впечатления. Именно тогда мне показалось, что существует разница в восприятии смерти среди тех, кто готовит своих пациентов к встрече с ней, и тех, кто этой встречи хотел бы избежать.

Мама не оставляла отца ни на минуту. Для нее это был священный долг и акт самопожертвования — оставаться со своим любимым другом, с которым она счастливо прожила 57 лет. Она уклонялась от предложений врачей самой пройти обследование в госпитале и будто не слышала наши увещания съездить домой на пару дней, чтобы привести себя в порядок и наконец выспаться на нормальной кровати. Никто так и не смог ее переубедить, и три самых страшных месяца в своей жизни она не отходила от постели отца, урывками спала в холщичке на кресле-раскладушке, то и дело вздрагивая и просыпаясь то от стонов мужа, то от судорог старого холодильника. За это время она совсем высохла, осунулась, боясь думать о надвигающемся одиночестве.

Родителей я навещал раз в месяц — это точно. То командировку в Москву оформлю, то отпуск за свой счет возьму. Так дня на три-четыре и прилетал регулярно. Деловые встречи планировал после обеда, но с утра, заскочив по дороге в магазин, мчался к родителям в Сокольники — в госпиталь. Отец практически уже ничего не ел, поэтому просил привезти ему некоторые продукты так — на пробу, чтоб запомнить навсегда их вкус. Съест несколько красных икринок, выпьет глоток пива, понюхает кусочек буженины, и всё. Радости жизни.

“Это он когда вас видит, у него и аппетит просышается, и тяга к жизни. Вы ему радость привозите”, — сказал мне как-то печальный доктор и тут же ретировался, оставив меня наедине с батей. Мама, расцеловав меня с дорожки, тоже обычно уходила куда-нибудь. Все в семье: и жена, и сестра, и тетя, — все понимали — нам с отцом есть что сказать друг другу, и не хотели нам мешать. Сын Алексей с невесткой вообще приезжали к деду часто, но так, чтобы со мной не пересекаться. Мы все хотели, чтобы “наш генерал”, как мы звали его в семье, никогда не оставался один на один со своими мыслями. Надеюсь, что мы поступали правильно.

“Присядь. Поддай мне с тумбочки очки, нет, не те, а в прозрачной оправе. Ну выкладывай, как дела, сын?” — отец берет меня за руку, и я, заранее приготовив повествование, начинаю свой доклад. Его большие, немного слезящиеся глаза смотрят внимательно. Такое впечатление, что он меня запоминает. Отец то и дело переспрашивает, уточняет какие-то заинтересовавшие его детали. Наконец, дождавшись, когда я окончательно увлекусь рассказом и уж точно не собьюсь, он на секунду прерывает меня, прося перевернуть его на бок и помассировать затекшую спину.

Отца интересовало всё, что имело отношение к его прежней военной службе и к делам семьи. Мои отчеты по работе сменялись рассказом о ремонте старенькой куцей дачи на Луговой в Подмоскowie, которая вкупе с прохудившейся крышей и скандальными разборками с соседями по какому-то дурацкому поводу досталась ему от моего деда Константина. Эта дача на четырех сотках — половина старой избы и недавно отстроенная банька — по завещанию доставались мне в наследство. Это всё, что в материальном плане было у отца.

Но я рассчитывал на другое наследство, и я его получил.

Прослужив верой и правдой своей Родине, отдав ей свое здоровье, отпуска и выходные, дослужившись до звания генерал-лейтенанта, заработав репутацию исключительно порядочного человека и крупного военного ученого, отец оставлял мне свой главный капитал — книги по военной стратегии, словари по оборонной терминологии, свои воспоминания.

Когда болезнь сразила его и уложила в постель, он решил написать свою последнюю книгу — книгу об истории нашего рода. Но силы его уже оставили. Глаза стали быстро уставать, пальцы плохо подчинялись и роняли карандаш. В общем, отец поручил это дело мне. Причем чем слабее становился отец, тем больший интерес он проявлял к моим поискам в российских и зарубежных архивах всё новых исторических документов, окунавших в тайны прошлых веков и деяния наших предков. Знакомя отца с содержанием фотокопий найденных в архивах свидетельств, я видел, что помогаю ему хоть ненадолго забыть боль и отогнать тяжелые мысли. Мы как бы отправлялись с ним на машине времени в увлекательное путешествие, становясь живыми участниками великих событий отечественной истории. Это был наркотик посильнее того, что давали ему врачи.

История — это вообще наркотик и сильнейший антидепрессант. Но одно дело — листать, позевывая, фолианты профессиональных историков или наслаждаться по ТВ львиной гривой и артистизмом отдельных из них, и совсем другое — выпаращивать из чудом сохранившихся архивов документы, знакомящие вас с вашей же родословной, с тайной происхождения вашего рода, а значит, и с вашей личной тайной.

Уверен, что многие из нас, узнав, что в их жилах течет кровь Великих предков, Защитников рода, племени и всего тысячелетнего Отечества, Богатырей и Творцов, Граждан, которыми подобает гордиться их потомкам, сами меняли свое отношение к жизни, себе и своей стране, становились чище и благороднее. Иваны, родства не помнящие, — разве не они сносили храмы и дорогие русскому сердцу отеческие камни, разве не они сочли чванливо, что история России если и начинается, то непременно с них самих, а до них и не было ничего, кроме “кровавого царизма” и каких-то там “блаженных” да “пожарских”?

Нет, надо знать свой Дух и Корень, знать, откуда пришли мы и какая судьба уготована Богом стране нашей. Без этого — никак нельзя. Нельзя лю-

бить Россию, не зная, что у нее есть не только милые сердцу березки и овражки, но и душа ее и боль ее. Березки и овражки встречал я и на чужбине, в той же Европе, где я сейчас живу, да России иной нет нигде. Таковую вторюю не сыщешь. Историю ее не повторишь. И не исправишь.

БАБУШКА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

Бабушка Наташа была очень сильным человеком. Только представьте себе: заболев полиомиелитом, который скрутил все ее конечности в штопор, она последние 9 лет жизни провела в постели в своей старой московской квартире, но я ни разу не видел ее удрученной и жалующейся на жизнь. Наоборот, бабуля была главным оптимистом и шутником в семье. Она знала бесчисленное количество всяческих анекдотов и забавных историй, прекрасно умела их рассказывать, а потом заходила таким заразительным смехом, что тетке Тане приходилось ставить раскаленный поднос с капустным пирогом на пол, а самой бежать к матери и просить, чтобы та остановилась, дабы “как бы чего не вышло”. В общем, бабка была талантливой артисткой-комедиантом.

Это не мешало ей быть строгой и властной с отцом, даже иногда жесткой. Я всегда поражался тому, как мой всегда уверенный в себе батя, тогда еще молодой красавец генерал, жесткий на службе, да и в семье, из кабинета которого, как мне рассказывали, некоторые нерадивые сослуживцы вылетали в минуты его гнева как пробка из бутылки шампанского, короче, этот мой глыба-отец если и не дрожал перед своей парализованной матерью, то уж точно — трепетал.

Сюда, на улицу Дурова, мы ездили регулярно — строго по раз установленному расписанию — аккуратно после обеда каждую субботу и так засиживались часов до 9 вечера. Честно говоря, пока я был маленький, бабушка Наташа большого внимания на меня не обращала, и я сновал по комнатам и просторному коридору в поисках чего-нибудь мальчишке интересного. Иногда возвращался в большую комнату, где в углу стояла бабушкина кровать и рядом сидели и что-то обсуждали мои родители. В этот момент бабуля навела на меня свои голубые глаза и орлиный нос и, указывая на какую-нибудь статуэтку, вдруг начинала сухо чеканить: “Этот фарфор, между прочим, держал в своих руках Александр Сергеевич Пушкин”. Если же я, изнемогая от скуки, плюхался в старое кожаное кресло, баба Наташа говорила: “Не прыгай! В этом кресле любил сидеть Сергей Есенин!” Несмотря на свое малолетство, я уже тогда относился к словам взрослых с изрядным скептицизмом, а потому строгим указаниям бабушки следовал, но на ее исторические экскурсы применительно к посуде или мебели в доме на улице Дурова не реагировал вовсе. Бабушка же была умелая рассказчица, вот я и думал, что есенинское кресло и пушкинская статуэтка — это всё так, для красного словца.

Шло время. Я перешел в 9-й класс, сильно вытянулся и окреп. Наталья Борисовна с удовлетворением отмечала мое превращение в юношу. В мой адрес то и дело сыпались бабушкины комплименты, перемежаемые поучениями. Мне казалось, что вот-вот она позволит мне присесть к ее кровати и выслушать целый набор нотаций. Для меня это было важно, так как для остальных членов моей семьи сия её милость означала бы мой переход в возрастной цenz “человека разумного”.

Люди не могут не чувствовать приближения своего конца. Даже если все вокруг, в том числе и врачи, говорят, что “всё как всегда”. Как-то в один из традиционных субботних вечеров отец раньше обычного засобирился домой. В воскресенье он должен был лететь на Дальний Восток, вставать надо было на заре, чтобы успеть на аэродром в Жуковский к назначенному на раннее утро спецрейсу. Мама вместе с теткой понесла чайный сервиз на кухню. Я подошел к бабушке, наклонился над ней, чтоб поцеловать ее щеку, но она своими худыми изогнутыми пальцами стиснула мою руку, велела присесть и кое-что важное послушать. Это было настолько ново и непривычно, что я запомнил наш разговор с фотографической и магнитофонной точностью.

“Послушай, внучек! Я завтра умру. Я это знаю. У тебя впереди большая и интересная жизнь. То, что я сейчас тебе скажу, может тебе пригодиться. Я всю жизнь скрывала свое происхождение, работала простой модисткой и держала язык за зубами. Я боялась не за себя, а за твоего отца. Запомни, что я тебе скажу, хотя, может, ты и не поймешь это сейчас, но потом у меня уже не будет такой возможности. Мальчик мой, в тебе течет благородная кровь. Мой дед Николай был царским генералом, бароном. Он был полицмейстером Москвы, больши-и-и-и-и-м жандармским начальником. Твой папа не всё о нем знает, ему это могло бы повредить по службе. Но ты запомни, что тебе твоя бабушка сказала. Хорошо? Ну всё, ступай!”

На следующий день бабушка Наташа действительно умерла. Про легенду о прапрадедушке-жандарме я довольно-таки быстро забыл и вспомнил о ней ровно через 30 лет, и то — совершенно случайно.

ЖАНДАРМ

— Поразительная беспечность, Александр Александрович! Идет второй год войны с германцами, а вы в тяжелейшее для нашего фронта время допускаете погромы подобных масштабов, да еще с такой политической манифестацией! Государь возмущен бессилием полиции. Императрица вне себя от оскорблений толпы!

Помощник министра внутренних дел генерал Джунковский, нервно подергивая ус, мерил кабинет градоначальника тяжелым шагом. Готовясь к этой встрече с генералом Адриановым, он заранее решил, что будет тщательно подбирать слова, дабы не выказать ни излишнего раздражения более чем странным поведением градоначальника, ни свою жалость и даже сострадание к собеседнику, которого знал уж более 20 лет с самой лучшей стороны — как человека ответственного, разумного и в высшей степени порядочного. Тем более в его голове не укладывалось поведение Адрианова, допустившего ничем не оправданную “деликатность” к толпам погромщиков.

Борьба с “немецким засильем” не была уж чем-то из ряда вон выходящим даже в среде петербургских аристократов, не говоря уж об армейских кругах. Дело дошло до переименования столицы в Петроград. Ненависть к немцам и ко всему, имеющему отношение к Германии, была разлита ровным слоем по всему русскому обществу — от верхушки до низов.

Безответственное поведение элиты русского общества отозвалось погромной стихией. Дурные вести с фронта добавляли хмеля в брожение умов. Русский бунт, “бессмысленный и беспощадный”, готовил свою генеральную репетицию. На сей раз его жало было направлено против русских немцев — верных солдат и тружеников великой Империи. Громя магазины и фабрики тех, чья вина состояла лишь в пользовании немецкой или, на худой конец, курляндской, скандинавской или даже французской фамилией, хорошо организованная масса, будто выдавленная из тюбика на улицы Москвы, проклинала царицу, ее родную сестру и всех “немцев”, “заполонивших Двор и опутавших Государя”.

Джунковский понимал, во что это может вылиться уже в ближайшие годы, и считал своим долгом предупредить царя о грозящей ему и Отечеству опасности. Он еще не знал, что государь его не услышит. Спустя три месяца после немецких погромов — в августе 1915 года — Николай II отстранит командира Отдельного корпуса жандармов генерал-майора Джунковского от должности — за “доносы на Старца”. На весах монарших ценностей “сидевший на ушах Императрицы” Григорий Распутин перевесил верного государю охранителя Империи. Но сейчас, в кабинете градоначальника Москвы, Владимир Федорович об этом знать никак не мог, а представить — тем более. Теперь ему предстояла тяжелая миссия — расследовать действия московской полиции, допустившей разгул народной стихии в самом центре древней русской столицы, решить судьбу своего старого сослуживца — генерала Адрианова и подготовить рапорт Его Императорскому Величеству.

Джунковский обомел кругом выглядевшего совершенно потерянным московского градоначальника, застывшего посреди своего кабинета. Будто

ястреб, делая боевой круг перед падением камнем на свою жертву, жандарм вдруг почувствовал, что старый друг стал ему совершенно безразличен. Кровь, которую он хотел выпустить из его разорванных кловом жил, будила в нем азарт охотника. Он наслаждался мгновением перед неминуемой развязкой своей встречи с противником, заранее сдавшимся на милость победителю. Он вообще перестал что-либо чувствовать к своему собеседнику и полностью отдался инстинкту, воспитанному в нем годами службы в тайной полиции и жандармерии.

— Друг мой, Александр Александрович! Я только что ознакомился с составленным вами рапортом. Потрудитесь объяснить, как вам, человеку опытному и предусмотрительному, в голову пришло возглавить толпу на ее пути к дому генерал-губернатора? А как, позвольте полюбопытствовать, должны вести себя жандармские части и казаки, получившие приказ рассеять толпу, когда они видят в ее голове его превосходительство господина градоначальника, то есть вас, мой дорогой друг? Да самый ленивый и темный из бунтовщиков резонно предположит, что коли в толпе вышагивает сам Адрианов Александр Александрович, то, стало быть, погромы дозволены и проводятся по Высочайшему указу! Мда-с! Скажите на милость, Александр Александрович, на вас затмение нашло али хворь какая? Сброд, всякая сволочь, подобно узурпатору, грабит и поджигает нашу Москву, а вы их вовсе не разгоняете! Нет, что вы, как истинный друг народа и знаток потаенных струн его, вы чинно ступаете во главе колонны черни, причем самой что ни на есть подлейшей из подлейших. Вы вместе с этими, простите, мерзавцами и хриstopродавцами распеваете то “Боже, Царя храни!”, то “Спаси, Господи, люди Твоя!”, да всё это — под портретом государя, да с хоругвями и образами! Ах, славный, добрый, православный наш народ, вот вышел на прогулку, мирную, так сказать, демонстрацию, а то, что фабрикантов камнями побил да под мостом утопили, так это, можно сказать, высшее проявление патриотических чувств и солидарность с воюющим за Россию фронтом! Ваше превосходительство, я правильно читаю ваши мысли-с? Не так ли? Нет, нет, голубчик, не отводите глаз! Как старый друг скажу вам прямо: то, что вы изволили допустить-с, это — позор мундира! Нет-нет! Не затыкайте уши! Прошу вас дослушать до конца сие моё крайнее возмущение вашим удивительным и ничем не объяснимым поведением! Не первый год мы знаем друг друга, никогда не испытывал я к вам чувств иных, кроме дружеской теплоты, а потому уж прошу вас не прерывать меня и не показывать всем видом своим, сколь противны вам мои слова!

— Владимир Федорович! Сделайте милость, пожалейте меня, мой друг! Неужто вы и в самом деле встали на сторону тех, кто во всех этих страшных событиях усматривает лишь мою вину? Вот уж и князь Юсупов...

— Ах, кстати. До императрицы дошли слухи, что в силу присущей вам беспечности вы настолько розово смотрели на вещи, что чуть не обрекли на верную смерть ее сестру-бедняжку. Подумать только: вы даже не пытались убедить великую княгиню остаться в ее Марфо-Мариинской обители и не ехать на Тверскую. Мол, заседание Красного Креста без родной сестры императрицы ну никак не обойдется! Вы в самом деле не видели оснований опасаться за эту поездку? Поймите, Александр Александрович, безопасность вдовы московского генерал-губернатора, как, впрочем, и иных важных особ, проживающих в Москве, всецело лежит на ваших плечах. Мало ли на нашей памяти кровавых преступлений, направленных против членов семьи государя императора? Еще кровь великого князя Сергея Александровича запечья не успела, а вы столь опасно рискуете жизнью его вдовы! Неудивительно, что сам князь Феликс Феликсович Юсупов отменил ее поездку на собрание. Его супруга поведала мне о том, что была вынуждена рассказать о случившемся императрице. В вашу защиту я добавил лишь, что именно усилиями полиции была спасена от погромов Ордынка и сама Марфо-Мариинская обитель, основанная Елизаветой Федоровной, но не думаю, что это позволит смягчить гнев Ее Величества. Вы же знали с Севенардом, что Елизавета Федоровна своим гессенским происхождением не снискала себе уважения среди патриотических масс! Севенард, этот ваш любимчик, этот прохвост — он-то себя

успел обезопасить. Вот, попробуете, его записочка княгине Юсуповой. Читайте, без очков не видите? Сейчас я вам ее прочту: “Ваше сиятельство, это немыслимо, великую княгиню по дороге убьют”. Граф Толстой ваш Севенард, а не полицмейстер! Ну ежели Севенард понимает обстановку в Москве лучше вас, может, его и назначить градоначальником? Может, тогда придется меньше опасаться за Белокаменную? Милостивый государь, Александр Александрович, вам плохо? Так попейте водички! Ох, Александр Александрович, за столько лет вашей безупречной службы ни мне, ни нашему министру Маклакову, ни покойному Петру Аркадьевичу Столыпину, который безмерно уважал вас, не приходилось сомневаться в вашей способности надежно поддерживать безопасность в Москве, а тут такое разочарование!

Адрианов вспыхнул от ударившего в голову гнева. Смущение прошло. Ему на смену шел протест. Еще никогда ранее Джунковский не позволял себе так обходиться с ним. Даже обстоятельства сего дела не давали оснований разговаривать с ним, московским градоначальником, подобным образом. Да, он, конечно, понимал, что именно ему придется отвечать за гибель гражданских лиц, да еще и женщин. Морально он был к этому готов. Вести о приезде Джунковского в Москву означали для него лишь то, что наступает развязка трагедии, жертвой которой стал и он сам. Позорная отставка была бы наименьшим злом, но и судебное преследование исключать было нельзя.

Будучи генералом Свиты Его Величества, Адрианов не мог не знать о крайнем раздражении царя его поведением, хотя и считал сие мнение несправедливым и основанным на поверхностном восприятии случившегося в Москве несчастья. Тем не менее примириться с вызывающей сожаление, с учетом столько лет прежнего знакомства, позицией своего старого знакомого и приятеля — генерала Джунковского — он не мог. Всё в нем заклокотало, забилось, и еле сдерживая волнение, градоначальник перешел в контратаку:

— Милостивый государь! Вы желали бы, чтобы я отдал приказ стрелять в безоружных людей? Залить Москву кровью? Да-с, они погромщики, но все же люди, а не враги Отечеству. Вы, должно быть, забыли баррикады и кровь девятьсот пятого года? А я не забыл! И не хочу ее! Слышите, не хочу! Мы не каратели, нет! Мы стражи закона и порядка. Насилие породит насилие, и тогда мы с вами разбитыми лавками не отделаемся. Да-с, представьте себе, и я скорбю по невинно убиенным. Но могло быть хуже, много хуже! И не вам, ваше превосходительство, меня попрекать либерализмом! Не вы ли, Владимир Федорович, своим решением запретили институт секретных сотрудников в армии и на флоте, уволив сотни блестящих профессионалов?! Не вы ли ликвидировали агентуру среди учащихся в учебных заведениях? Вам ли бросать мне упрек в лицо после того, как именно по моему настоянию в Москве и Петрограде удалось отстоять охранные отделения, кои вы порушили по всей Империи? Вы лишили нас зрения, понимания того, что реально происходит по всем этим подвалам и чердакам, по всем этим марксистским рабочим кружкам! Мы же ослепли, потеряли слух, обоняние! Может, вам более известны эти настроения? Так поделились бы уже! Я вам так скажу: в волнениях по всему чувствовалась чья-то направляющая рука и закономерность. Жандармы, увещевая возбужденную толпу разойтись, своими глазами видели повсюду снующих студентиков и прочих подстрекателей и провокаторов. Но по вашей милости, лишившись глаз и ушей, мы были слишком поздно предупреждены о грозе, надвигавшейся на город. Да-с! Не говорю уж о масштабах волнений!

Я, конечно, отвечу за всё. Чинить препятствий в порученном вам расследовании этих трагических событий не собираюсь. Понимаю, к чему вы клоните. Я собственноручно и немедленно напишу прошение об отставке, но запомните, генерал Джунковский, уходом моим вы грозу не остановите. Именно грозу, страшную грозу, идущую на Россию. Прошу вас, Владимир Федорович, лишь об одном: полно и беспристрастно разобраться в действиях моих подчиненных, ибо в них я нахожу примеры преданности нашему делу, мужеству и профессионализму. Честь имею!

Генерал-майор Адрианов встал из-за стола. По всему было видно, что ему с трудом удавалось сохранить даже видимость самообладания. Не протя-

гивая руки Джунковскому, он как-то неестественно распрямился, не поднимая глаз, повернулся к выходу и уже успел сделать пару шагов, как вдруг остановился:

— Да, совсем забыл... Здесь на столе материалы прокурорской проверки действий полицмейстера 4-го отделения генерал-майора Миткевича-Жолтка. Обычная история, знаете ли: невинных карают, непричастных награждают. Владимир Федорович, я уж на дальнейший ход дела по Николаю Антоновичу повлиять не могу, так уж вы сами определитесь, наказать Миткевича или наградить.

Адрианов наконец поднял тяжелый взгляд на безучастно наблюдавшего за ним Джунковского, что-то, видимо, еще хотел добавить, но осекся, помявшись, засобирался и, неловко зацепив плечом вешалку у двери, покинул кабинет.

Джунковский оставался равнодушным. Демарш Адрианова никак его не тронул, ни разозлил, ни разжалобил. Ему было невыносимо скучно. Будто желая удостовериться, что он не спит, жандарм по привычке дернул себя за правый ус. Затем он до хруста расправил плечи, подошел к столу, отпил из стакана успевший остыть чай и тяжело опустился в опустевшее после ухода хозяина кожаное кресло. Он неспешно раскрыл плотно забытый бумагами портфель и достал оттуда дело с пометкой: “Спешное. Секретно”. Оно касалось обстоятельств тех самых кровавых немецких погромов 26–29 марта 1915 года, в которых ему поручено тщательно и объективно разобраться, “желательно без нагнетания”, как того пожелал государь. Полным ходом шла война с Германией и Австро-Венгрией, русская армия несла страшные потери на западных границах Империи, но Москва после беспорядков выглядела так, будто кайзеровская авиация сбросила на нее тысячу зажигательных бомб. Поиски “немецких шпионов” среди фабрикантов из числа эльзасских немцев вывели на улицы Замоскворечья, в Лефортово, на Лубянку, Мясницкую и даже на Красную площадь десятки тысяч погромщиков и мародеров. Волнения охватили даже ближайшее Подмосковье — деревни Свиблово, Ростокино, Всехсвятское. Согласно отчету сенатской комиссии, в ходе погромов пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или похожими на иностранные фамилиями). Ущерб был нанесен многим российским, французским и английским фирмам и магазинам, иностранным консульствам и даже предприятиям, выполнявшим военные заказы.

Жандарм раскурил папиросу, подошел к окну, распахнул его в наступившую ночь, затем вновь погрузился в кресло, наклонился к столу и вытряс на него всё содержимое своего портфеля. Несколько прокурорских запросов и объяснительных Департамента полиции слетело на пол и запорхнуло под массивную дубовую тумбу. Помогая себе ногой, Джунковский извлек из-под тумбы бумаги, поднял их и сложил в одну стопку, смешав тем самым свои бумаги и документы, оставленные на столе Адриановым. Тяжело вздохнув от осознания того, что все сие сочинения ему придется осилить непременно сегодня, жандарм решил читать всё подряд — в том случайном порядке, как листы попали в стопку.

Поверх вороха бумаг лежало адресованное ему письмо прокурора Московской судебной палаты в связи с “неправомерными действиями полицмейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка”. “Что ж, голубчик, с тебя и начнем!” — генерал развернул лампу так, чтобы свет ее падал на желтые листы прокурорского запроса, и принялся читать.

“Милостивый Государь Владимир Федорович,

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копию сообщения Прокурора Московского Окружного Суда от 29 мая сего года за № 5268 на имя Московского Градоначальника о неправомерных по службе действиях полицмейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка. При этом, вполне соглашаясь с приводимой в означенном сообщении квалификацией допущенных полицмейстером Миткевичем-Жолтком действий и полагая, что таковые действия в связи с условиями сопровождавшей их обстановки требуют к ним особо строгого отношения, —

считаю долгом просить Ваше Превосходительство, в случае возбуждения против генерал-майора Миткевича-Жолтка уголовного преследования, одновременно устранить его от должности согласно 1100 статье Устава Уголовного суда, или, не возбуждая уголовного преследования, подвергнуть его взысканию по всей строгости, соответствующей серьезности допущенных им нарушений.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности”.

“Сколько же расшаркиваний и подлых гримас в этих прокурорских депешах!” — Джунковский потянул из стопки следующий лист. Это было письмо прокурора Московского окружного суда от 29 мая 1915 г., где “прегрешения” полицмейстера рисовались более хлестко:

“Господину Московскому Градоначальнику

...Около 11 часов вечера 28 мая к Управлению I участка Пятницкой части подошла толпа и потребовала от пристава Подполковника Танасюка немедленной выдачи спрятавшихся будто бы в арестном помещении немцев и освобождения лиц, арестованных за разгром конторы фабрики Винтера. После разъяснения пристава об отсутствии в Управлении участка таких арестованных, а также и немцев, в толпе послышались крики: “поверим приставу”. В это время подбежал полицмейстер генерал-майор Миткевич-Жолток, к которому толпа обратилась с тем же требованием, высказывая подозрение, что чины полиции говорят неправду, и заявляя о необходимости личного осмотра арестного помещения. Это незаконное требование толпы генерал-майор Миткевич-Жолток нашел возможным удовлетворить и разрешил толпе осмотреть камеры. После этого толпа двинулась к арестному помещению, дверь которого по приказанию помощника пристава Барабаша была открыта, и толпа, проникнув внутрь помещения, освободила из числа заключенных 6 арестантов”.

“С полицмейстером переговорю лично. А сии прокуроры — форменные черти! Скольких офицеров уже сожрали, так подавай им еще! Прежде чем везти Миткевича к государю, надо самому разобраться и для себя принять решение. А Николаю Антоновичу порекомендую представить государю подробнейший доклад, иначе его голова полетит вслед за адриановской. Так мы всех дельных людей разгоним, а работать-то кому? Всё! Читать всю сию писанину нет никакой возможности!” — и будучи довольный своим решением, Джунковский встал из-за стола и решительно направился к выходу.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ

— Подними меня повыше и подложи под спину подушку, да, эту, всё, спасибо. — Отец поморщился от боли, но тут же улыбнулся, показывая свое расположение к продолжению разговора. Он поджал здоровую ногу и подтянул одеяло, чтобы было удобно просматривать фотокопии привезенных мной документов. — Как ты вышел на Николая Антоновича, просто расскажи технологию? Я, честно говоря, крайне удивлен. Где ты всё это достал? Смотри, здесь документы из Смоленского архива, Могилевского. Варшавский архив... Удивительно, как они все не сгорели и не потерялись после стольких войн. Я ж был в Смоленске в 43-м, тебе рассказывал. Города-то не было вовсе, всё разбито, одни дымящиеся трубы. Наверное, всё же удалось что-то вывезти до захвата города немцами.

— Пап, я нашел след твоего прадеда случайно. Как-то раз копался в Интернете, зашел в базу hronos, там про 3-е Жандармское отделение и Департамент полиции есть кое-какая информация и фотографии. Смотрю, в перечне ссылок значится: “Миткевич-Жолток Николай Антонович, полицмейстер Москвы, генерал-майор”. Сказать, что я удивился, значит, ничего не сказать. Тут же вспомнил, что мне бабушка Наташа перед смертью сказала, будто дед ее был полицмейстером. Я тогда подумал, что наша бабуля немного прифантазировала, ан нет, оказалось, правду говорила. Мол, даже ты не всё должен был знать, иначе в сталинское время не смог бы поступить в военное училище.

— Нет, ну я знал, конечно, что мой дед Борис был дворянином, а после революции остался в России и помогал Красной Армии готовить молодых летчиков. Он же тогда в 41-м, когда наш дом на Смоленке немцы разбомбили, отыскал нас и нагрянул к нам на дачу, где мы первую военную зиму надеялись пережить. Он нас забрал и отправил в Горный Алтай в эвакуацию. Мы там больше года провели. Нас он, в общем-то, спас. А в Москву уж весной 43-го вернулись. Я оттуда на фронт в Смоленск и сбежал. Так что деда Бориса я помню. Высокий был, под два метра ростом.

— Ну а про своего отца он тебе что-то рассказывал?

— Нет. Не помню. Баба Лиза была с ним в разводе, она как-то намекала, что ее свекор возглавлял московскую полицию, да после будто осеклась и только отшучивалась. Ну так расскажи, интересно ведь знать, кто у нас там в роду был.

— Я за эту информацию в интернете ухватился как за ниточку и потянул. Напряг пару своих знакомых депутатов, они по старой дружбе подписали запросы в различные московские архивы, ну а дальше оставалось только ждать. Примерно через месяц звонит помощник из Москвы и говорит, что получил первую порцию документов, да каких! Личное дело полицмейстера 4-го отделения Московской полиции Николая Антоновича Миткевича-Жолтка 1866 года рождения. Вот смотри: “Кавалер орденов Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-й и 4-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степени, Святой Анны 2-й и 3-й степени” — и это данные на начало 1915 года. “Из Могилевских дворян” — это зацепка, где дальше искать, — то есть в белорусских архивах, прежде всего в Могилевском и Минском. Фамилия польская, значит, надо взбудрить и польских коллег. Тут же направляю запрос в Польскую миссию при НАТО. Плюс запрос в ГУВД Москвы, с просьбой покопаться в столичных милицмейстерских архивах, и в Центральный военно-исторический архив, где хранятся документы по Русской Императорской армии — вплоть до 1918 года. Затем в Красногорский центральный военный архив — это уже по делу его сына и твоего деда — Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка, который, как ты говоришь, служил в РККА. Кстати, в личном деле Николая Антоновича значится, что “женат он первым браком на девице Екатерине Николаевне Сорокиной, дочери почетного потомственного гражданина Российской империи, дворянке Смоленской губернии”, а детей у них было трое. Старший Борис 1890 года рождения — отец бабушки Наташи, мамы твоей. Потом в 1891 году родилась его сестра Вера. Дополнительно от руки вписан еще один ребенок — Михаил, 1900 года рождения. Все — “вероисповедания православного”. Но, знаешь, я даже узнал, где они жили!

— Где? В Кремле? — отец наконец улыбнулся.

— Нет, не в Кремле, а в Замоскворечье. Там же, в интернете, нашел “Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов”. Большого труда не составило разыскать адрес Миткевич-Желток Екатерины Николаевны, жены генерал-майора, и ее сына Михаила — Ремизовский, 4. Есть даже телефон — 108-51. Кстати, вторую часть фамилии всё время путают, пишут то Жолток, то Желток...

— Ремизовский — это где? Это старое название?

— Старое. Теперь это 1-й Люсиновский, рядом с метро “Добрынинская”. Знаешь, у Николая Антоновича биография до боли напоминает историю Эраста Петровича Фандорина — героя романов писателя Бориса Акунина. Сначала военная карьера: пехотное училище, служба в Бобруйской крепости, учеба в столичной престижной военно-юридической академии, Русско-японская война, где он — военный прокурор в Маньчжурии, демобилизация и работа в Москве — в генерал-губернаторстве. В 1908 году “числящийся по армейской пехоте” штаб-офицер по особым поручениям при московском градоначальнике возвращается на действительную службу, но уже жандармскую, и назначается в особо тревожное время полицмейстером Москвы. Забавно.

— Он так и служил в жандармерии вплоть до революции?

— Нет. Я так понял, что после немецких погромов в Москве в мае 1915 года все причастные и деепричастные должностные лица Москвы ухо-

дят в отставку. Тут же еще фактор времени сказался — первая империалистическая, поражение русских армий на фронтах, активизация профессиональных революционеров... Поэтому царь снес всю верхушку московского начальства, и дед, давай называть его так, ушел на фронт...

— Между нами говоря, я про эти погромы в Москве во время Первой мировой войны ничего не слышал. Это что, немцев били или всех, как обычно?

— Представь себе, били немцев, эльзасских немцев, бежавших в Россию. Многие из них были подданными союзной нам на тот момент Франции. Потом начали бить тех, у кого немецкая фамилия, хоть и обрусели они лет сто назад. Затем досталось всем, у кого схожая фамилия, — шведская, например. Кстати, евреев не трогали. Был любопытный эпизод во время этих погромов. Разгромили дачу у еврея — барона Гинцбурга, и то только потому, что толпа просто не поверила, что баронский титул мог быть присвоен еврею. В остальных случаях погромщики сначала желали убедиться, что та или иная аптека или магазин принадлежат еврею, а не немцу, и только тогда проходили мимо. Редкая толерантность.

Отец улыбнулся.

— Да уж. Я-то только про еврейские погромы слышал, а тут, оказывается, своя специализация присутствовала. Вообще всё это странно. Ведь немцев-то среди дворянства, я про царскую семью и не говорю, много было...

— А я и не исключаю, что погромы инспирировались антимонархическими силами. Никогда не верил в набор случайных чисел в истории. Марксисты всегда вынужденно признавали роль личности в истории, хотя для них механический взгляд на движение масс был более естественен. Но личность-то ведет себя порой иррационально. Вот ты разве не совершал действий в отношении кого-то, хотя тебе это было совершенно не выгодно, но, повинуюсь симпатии или антипатии, ты делал что-то, о чем потом приходилось жалеть? В сердцах, например, кого-то обидел, да так, что потом и не исправить?

— Бывало...

— И у меня бывало. Если ты человек простой, обычный обыватель, от твоих добродетелей или человеческих ошибок — ни холодно ни жарко. Но если ты наделен недюжинной властью, то последствия твоих капризов, несдержанности, сиюминутных влечений и порывов и прочая — колоссальны. Они будут иметь прямое отношение к зигзагам истории, если ты, конечно, личность исторического масштаба.

— Слушай, ты, историческая личность, поправь мне подушку, а эту подложи под левую ногу, затекла она страшно.

— Ты устал? Может, прервемся?

— Да нет, интересно. Рассказывай. Не телевизор же мне смотреть.

— Короче говоря, в погромах были заинтересованы сторонники ослабления власти Романовых — раз! Сторонники продолжения войны — два!..

— Ты имеешь в виду идею сепаратного мира с Германией и вывода России из войны?

— Естественно! На кой лях России была нужна эта война? Разрушили страну, ничего не добились, только усилили Америку да позволили Франции и Англии подраконить Германию, что в конечном счете привело к власти Гитлера со всеми для нас вытекающими последствиями. Я уж про падение империи и монархии, революцию, Ленина, Гражданскую войну — и не говорю. Не было бы их вовсе, если бы не было этой катастрофической для России войны! Да и немцы-то с нами воевать не хотели. Вильгельм приходился царю кузеном. Ты читал их переписку накануне войны? Я тебе потом дам почитать. Николай даже орденом своего брата-кайзера наградил, да еще каким — Святого апостола Андрея Первозванного! Его кавалерами могли быть одновременно лишь 12 россиян да столько же иностранцев.

— А что было в той переписке?

— Сначала обсуждали важные стратегические вопросы. Вильгельм поначалу действовал осторожно, не выходя за рамки прусской политической традиции. Князь Бисмарк оставил для него неплохое наследство и присматривал за молодым кайзером какое-то время. Лет пять тому назад я еще раз перечитал воспоминания этого “железного канцлера” — умница, конечно,

он большая. Не понимаю, почему современные немцы его памяти так мало внимания уделяют? Ведь именно он объединил германскую нацию и, по сути, создал современное немецкое государство. Знаешь, ох и остер на словцо был этот Бисмарк. Балканские народы называл он крайне пренебрежительно — “конокрадами”, да и по нашему канцлеру Горчакову проходилась весьма нелестно, считая его, выражаясь современным языком, “пустым пиарщиком”. Зато о России в целом говорил с уважением. Часто обращал внимание на “ограниченность ее потребностей”, потому, наверное, не видел с нашей стороны угрозы для возводимой им немецкой государственности. Как тебе такое его высказывание: “Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно”?

Отец перевернулся на бок и позвал маму.

— Томочка, Тамара! Поставь чайник!

Мать послушно загрохотала какой-то посудиною, затем вошла в палату, подошла и поцеловала меня в макушку. Потом взяла с тумбочки литровую пластиковую бутылку питьевой воды и тихо вышла в холлчик.

— Слова не друга. Может, даже и врага, но умного врага. Такого, который и не сунется к нам, хоть бы даже и хотел, — отец снова вернулся к беседе. — Знаешь, сын, меня вообще немцы четкостью мысли всегда радовали. Может, у них сам язык так устроен, что все в голове по порядку. “Орднунг”, понимаешь, и все тут. В последней моей книге “Стратегия сдерживания” я Карла фон Клаузевица цитировал, да так, что жалко было кавычки в конце ставить — настолько хорош слог, мысль четкая, глубокая и понятная... Извини, я, кажется, тебя перебил.

— Ничего. Так вот. Вильгельма все же от такой власти понесло. Старика Бисмарка он от дел отстранил, править стал единолично. С русским царем сначала пытался сблизиться. Пригласил Николая к себе. Тот с помпой приехал в Берлин на свадьбу дочери кайзера. Был там и английский король Георг V. Знаешь, они были двоюродными братьями с Николаем II, но на фото они — как родные братья-близнецы. Кстати, ты, должно быть, помнишь, недавно показывали приезд в Россию принца Майкла Кентского, так он тоже как две капли воды похож на последнего русского царя. Так вот кайзер Вильгельм и Николай II переписывались вплоть до начала войны между Россией и Германией. Лишь в последние две недели перед ее объявлением кузены обменялись одиннадцатью посланиями, призывая друг друга “к нашей старой дружбе”.

— Все это трагично и очень странно. Понятно, что войны нужно и можно было избежать. Так, как ты рассказываешь, получается, что она началась вопреки близким родственным отношениям монархов и несмотря на полное отсутствие непреодолимых разногласий между государствами и народами. Вот я тебе это много раз пытался объяснить, что иногда “союзническая солидарность” и излишние обязательства по отношению к кому-то могут втянуть страну в катастрофическую авантюру. Ну что, Германии обязательно нужно было выступать в тандеме с Австро-Венгрией? Та запуталась в своих отношениях с югославами и сделала Германию заложницей своих игр. То же и мы учудили. Влезли в союзничество с Францией и, что самое смешное, с Англией, которая нас всегда в гробу видала и рассматривала как своего вечного врага, а потом, “исходя из добровольно взятых на себя обязательств”, вошли в войну с тем, с кем логично нам было бы выстраивать постоянный континентальный оборонительный союз. Я Германию имею в виду. Вон, после двух войн и они, и мы до сих пор кровью харкаем. А ведь кто погибал на войне? Самые молодые, смелые, цвет нации. С нашего двора все старшие мои друзья на войну ушли, и никто, заметь, никто не вернулся. Вот тогда мы, малышня, сразу и повзрослели.

— Пап, ты обрати внимание, как часто встречались прусские, померанские и прочие германские отпрыски среди русского офицерства. В Русской Императорской армии до Первой мировой войны каждый пятый генерал был этническим немцем. В гвардии треть командирских должностей занимали выходцы из знатных немецких родов. Даже в свите царя треть — немцы. Более 300 тысяч русских немцев сражалось в рядах нашей армии, причем,

заметь, против кого! Против армий Германии и Австро-Венгрии! Между прочим, предателей, перебежчиков среди них не было. Многие русские офицеры родом из прибалтийских немцев превосходно знали свой родной язык, изъяснялись на нем без иностранного акцента. Могу себе представить, что об этом думали кайзеровские контрразведчики!

— Ну а чего ты хочешь? Их верность России определялась офицерской честью и присягой. Но я не думаю, что они были в восторге от войны со своей исторической родиной. Эти люди должны были что-то чувствовать. Как минимум моральный дискомфорт! Ну а как иначе? Возможно, то, что ты рассказываешь про организацию немецких погромов, как раз и было направлено на затягивание войны, с одной стороны. Ведь как после этого Берлин мог согласиться на сепаратный мир, даже если бы царь его и предложил? “Смотрите, немцев убивают в Москве, по всей России!” Какой к черту мир? Погромы сожгли мосты для выхода страны из войны, а значит, объективно они были направлены на наше поражение в этой войне. С другой стороны, смотри, русские немцы на фронтах не могли не быть в курсе того насилия, которым подверглась их родня в Москве. Это должно было поколебать их веру в Россию, толкнуть их к нелояльности, тем самым также способствовать поражению державы. Нет. Тот, кто стоял за погромами, действовал по принципу “чем хуже, тем лучше”. Вот тебе, пожалуйста, классический пример, как враги России способны использовать шовинизм в своих целях. В национальном вопросе надо быть сверхаккуратным, это и тебе, сын, хороший урок. Знаешь, я немного устал. Хочу полежать один. Езжайте домой и заберите все продукты, что принесли. Поверь, нам с мамой ничего этого не надо — всё есть! Холодильник забит так, что мама его даже закрыть не может. Да, Томочка?

— Да, Алик! — мама показала в дверном проеме. Она улыбалась. Мать всегда радовалась моим с отцом беседам. Это давало ему сил, возбуждало его недюжинный интеллект, который толкал сердце вопреки смертельной болезни. “Пойдем, сына, я провожу тебя до лифта!” Я поцеловал отца, встал, накинул “алюску”. Навстречу мне в палату вошла медсестра. Толкая перед собой стойку для капельницы, она деловито подошла к отцу: “Ну, Олег Константинович, пора принимать лекарства!” Батя махнул мне рукой на прощание, мол, “иди-иди, не стой в дверях”.

БАНКА С НЕДОНОСКОМ

— Прошу вас, господа, ожидайте здесь. Государь скоро примет вас. — Двухметровый офицер в форме кавалергарда рукой предложил жандармским генералам занять два стула у малахитового камина. Приемная, открывающая ряд личных комнат императора, расположенных на первом этаже правого флигеля дворца, была пуста. Возможно, царь Николай только что приехал в Царское Село из Петрограда. Генерал личной свиты Его Величества Владимир Джунковский и тот, кого ему пришлось сопровождать на встречу с государем, оказались здесь первыми посетителями.

Генерал-майору Миткевичу-Жолтку здесь бывать еще не приходилось. Странное дело, несколько лет учился в Санкт-Петербурге — сначала в 3-м Военно-Александровском училище, а затем в престижной Александровской военно-юридической академии, да вот в Царском Селе, к своему стыду, не был ни разу.

В городе Петра многое носит имя Александра. Вот и царь Николай в последние годы со своей семьей предпочитал жить в Александровском дворце. Именно сюда, в Царкосельский императорский дворец, который еще именовали Новым, съезжались министры, знатные вельможи, послы, приглашенные главой дома Романовых на совещания и личные аудиенции. Джунковский бывал здесь не раз. Пока Николай Антонович рассматривал картины, фотографии в серебряных рамках, лостру, подставки для старинных ружей и знамен, Владимир Федорович вполголоса продолжал дружескую беседу с офицером-кавалергардом, видимо, служившим в личной охране императора.

Неожиданно одна из створок коридорной двери распахнулась, и в приемную вошел государь. Будто приветствуя русского царя, забили каминные часы.

Император никогда не держал при себе личных секретарей. Все свои встречи он вел и протоколировал сам. Даже своих гостей, ожидавших в приемной, часто приглашал к себе сам. Вряд ли кто из монарших особ до и после него был столь обязателен и педантичен.

Николай II подошел к Джунковскому и протянул ему руку. Помощник министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов ответил царю крепким мужским рукопожатием и представил своего спутника.

— Я приглашаю вас в Новый кабинет. Следуйте за мной, господа! — хозяин дворца провел гостей в Парадный кабинет. Это было место заседаний Совета министров, представления депутатий и комиссий. Здесь император любил играть в бильярд с великими князьями и офицерами Свиты.

Предложив гостям сесть, Николай сам расположился в углу дивана. Над ним висел портрет императора Александра III кисти Валентина Серова. Отец хозяина кабинета был изображен на маневрах — с рапортом в руке.

— Господа, я пригласил вас для того, чтобы вы мне подробно рассказали о стихии, которая обрушилась на нашу Москву. Надо ли объяснять, насколько разрушительными могут быть последствия таких массовых волнений. Жертвы, поджоги — и это все происходит в тылу, в самом сердце России. Обстановка на фронтах не позволяет мне думать, что речь идет о случайности или безумном порыве масс. Я хочу знать всё, и в мельчайших подробностях, и не из донесений моего министра, а от вас, как непосредственных свидетелей. Николай Антонович! Генерал Джунковский предупредил меня, что рапорт дадите вы. Прошу, но только не вставайте!

Генерал Миткевич-Жолток достал из портфеля нужные ему для доклада императору записи, составленные им еще в поезде.

— Ваше Величество! Я подготовил подробный рапорт. Не знаю, насколько вас интересуют детали реконструкции этих событий, но я попытаюсь восстановить для вас их последовательность.

— Прошу вас!

— Первая толпа с национальными флагами появилась 27 мая сего года около 10 часов утра. Люди шли по Крымскому мосту с вашими портретами и с пением гимна. Толпа эта, численностью около 2000 человек, прошла через Калужскую площадь и Серпуховскую заставу к фабрике Рябова. Там к ней присоединились рабочие этой фабрики; после чего все пошли к Даниловской мануфактуре. Здесь манифестанты простояли около трех часов. Когда же рабочие Даниловской мануфактуры прекратили работы и вышли им навстречу, то вся масса — около восьми тысяч человек — направилась в Кожевники.

— Подумать только, стояли три часа и ждали своих товарищей!

— Точно так! Хочу обратить ваше внимание, что по пути к этой массе людей присоединялись рабочие попутных фабрик, ремесленных заведений, а также празднично гулявшая по улице публика. Пьяные тоже наблюдались, но никаких бесчинств толпа себе не позволяла. Все было пристойно, по крайней мере, до тех пор, пока эта масса людей не подошла к фабрике Цинделя...

— Ситценабивной мануфактуре Эмиля Цинделя, государь! — встрял Джунковский.

— Владимир Федорович, пусть Николай Антонович сам рапортует. У меня еще будет возможность задать вопросы и вам. — Николай достал из золотого портсигара сигарету, раскурил ее и положил пепельницу подле себя на диване.

Полицейстер недовольной украдкой бросил взгляд на Джунковского, отложил бумаги на журнальный столик поверх газет, а портфель поставил на пол.

— Администрация фабрики Цинделя, несмотря на совет пристава отворить ворота, этого не сделала. Из толпы были выбраны авторитетные люди, и их впустили на фабрику. Они тут же заявили, что желают проверить, нет ли на фабрике германских подданных. Их пропустили и даже предоста-

вили возможность пройти по фабричным корпусам. Между тем оставшаяся на улице толпа, которую явно разогревали провокаторы, продолжала волноваться. Она требовала открыть ворота.

Несмотря на мои уговоры и на противодействие наряда полиции, многие из толпы стали перелезать через ворота во двор. Вот там-то они и были встречены управляющим фабрикой Карлсеном. Он проявил себя довольно агрессивно, пошел против них и даже начал наносить им удары. Перелезшие через ворота сумели открыть их, и вся толпа ворвалась в фабричный двор. Карлсен испугался и бросился бежать в контору. Там его догнали и принялись бить. Другие громили контору. Пристав подполковник Эклон выбежал на улицу, чтобы взять городских на помощь, но его самого пришлось выручать. Толпа окружила его и стала наседать, якобы он поранил ножом одного из них. После довольно-таки эмоционального моего объяснения с демонстрантами в конце концов удалось успокоить наиболее рьяных. Я от греха подальше усадил подполковника Эклона в автомобиль, и пока наряд полиции сдерживал натиск, мы сумели выехать за ограду. Тем временем толпа вынесла избитого Карлсена на улицу, но наряд полиции смог отбить Карлсена и втащить его в садик соседнего владения Бахрушина. Я же, вывезши раненого подполковника на Кожевническую улицу, возвратился назад. Поставив в садике возле избитого Карлсена охрану, я отправился в толпу. Одновременно со мной на место происшествия прибыл генерал Адрианов.

— С его приездом бесчинства прекратились?

— На какое-то время, да. Поначалу масса слушала увещания градоначальника и слушалась. Видя ее успокоение, Александр Александрович сам успокоился и решил уехать. Тем временем со стороны Кожевнической улицы появилась новая многочисленная толпа. Она бросилась в садик владения Бахрушина, схватила Карлсена и потащила его к Москве-реке. Когда мне об этом сообщили, я с прибывшими приставами, пешим и конным нарядом сразу же направился к реке. В это время в плававшего уже Карлсена бросались камнями. Старший городской Думчев, вскочив в воду, хотел было вытащить Карлсена, но тот стал отбиваться от него и поплыл на середину реки. Там его подобрала двое городских. Лодка, которую им удалось найти, была ветхой и без весел.

— Где вы в это время находились?

— Возглавляемый мной наряд полиции сумел отогнать толпу на значительное расстояние от берега, и лодка с Карлсеном могла бы уплыть, если бы не дала течи. Но так как лодка стала погружаться в воду, то городским пришлось пристать к противоположному берегу, очень крутому. К месту, где она пристала, сбегалось человек пятьдесят подростков, детей и женщин. Озлобленная толпа стала метать с этого крутого берега камни в лодку.

На берег в это время прибежала дочь Карлсена — сестра милосердия. Несчастная девушка упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить ее отца. Рабочие ее не слушали, и нам в конце концов пришлось спасать и ее. Тем временем лодка быстро наполнилась водой, Карлсен выпал из нее и, видимо, ушибленный крупным камнем, потерял сознание и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня... Бывшие с ним городские, находясь внизу крутого берега, защитить Карлсена не смогли. Я с приставами подполковниками Косоротовым и Танасюком поехал через Симоновский мост. Мы пытались спасти Карлсена, но не успели доехать, как он погрузился окончательно в воду. Городские пытались вытащить его, но найденные на месте двухсаженные шести дна не доставали.

— Это ужасно, когда люди теряют свой человеческий облик!

— Пока одна толпа бесчинствовала над Карлсеном, другая заполнила всю Дербеновскую набережную и прилегающие улицы и переулки. Схваченные погромщиками четыре лица, с иностранными фамилиями, находчивостью моих приставов были спасены. Подчиненные заявили, что арестовывают иностранцев по подозрению в шпионаже и отправляют их в участок. Толпа в эту легенду поверила и успокоилась. Но приближительно через час тут появилась из Кожевнического переулка новая толпа манифестантов, которая вела владельца фабрики Вебера с криками “топи его!”.

— Такое впечатление, что толпы лезли из каждой подворотни?

— Мне тогда казалось то же... Приставу Полякову с околоточными надзирателями и городовыми удалось отбить Вебера. Он объявил толпе, согласно нашей новой легенде, что якобы поведет его в участок для ареста. Почти в то же время еще одна колонна появилась возле фабрики Винтера на Кожевнической улице и начала громить квартиру и контору. Конный наряд разогнал толпу на улице, а пеший задержал в квартире и во дворе 63 разбойника. Вскоре туда прибыл генерал Адрианов. По его приказанию погромщики были заперты в помещении фабрики. В одиннадцатом часу вечера, когда наряд возле фабрики Винтера был усилен конными жандармами и пешими городовыми, туда же двинулась громадная толпа с целью освободить задержанных лиц. Под моим руководством толпа эта была отогнана нарядом частью на Саратовскую площадь, частью в Гусятников переулок, несмотря на ряд камней, которыми были осыпаны как конный наряд, так и мы.

— Нескончаемое насилие!

— Да, вы правы, государь! Разрешите продолжить?

— Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Часов с 8 вечера возле управления участка на Пятницкой собралась огромная толпа. Она буквально запрудила улицы и проезды. Я же в сопровождении приставов Диевского и Косоротова поехал к фабрике Шрадера. Оттуда были получены тревожные вести. С собою мы взяли 5 конных городских, ибо большего числа взять было нельзя. Ситуация вынуждала оставить конные наряды для охраны как управления на Пятницкой, так и винного спирта на заводе Гевартовского.

В Садовниках возле фабрики Шрадера стояли рабочие этой фабрики. Они объявили, что сына их хозяина Романа Робертовича Шрадера толпа повела топить. Они просили его спасти. Однако на мой вопрос, не осталось ли кого-либо из семьи Шрадер или других лиц с немецкими фамилиями, шрадерские рабочие ответили, что таких лиц нет. Тогда мы поехали догонять толпу и, пробившись сквозь нее на Вальной улице, возле Малого Краснохолмского моста, поехали впереди нее.

— Вот как? Интересно.

— Да, нужно было дать толпе привыкнуть к присутствию полиции, установить с ней, так сказать, психологический контакт. Сначала толпа вела Шрадера по направлению к участку спокойно, но, когда поравнялись с углом Бахрушинского проезда, ближайšie к Шрадеру люди стали бить его. Я приказал, чтобы конные городовые окружили Шрадера, и шагов пятьдесят он прошел, не подвергаясь побоям. Но затем забежавшие вперед люди вновь набросились на Шрадера. Несмотря на то что конные городовые пустили в ход нагайки, они были оттеснены от Шрадера, и тот упал на землю. Тогда я, подполковник Косоротов и коллежский советник Диевский подбежали к Шрадеру. Мы подняли его и под руки повели дальше, уговаривая толпу прекратить побои. Но ближайšie к Шрадеру продолжали бить: и его, и нас. Некоторые же кричали, чтобы нас не били: мол, уговор у них был — полицию не бить.

— Это значит, что зачинщики и заводилы всё-таки опасались более решительных мер со стороны полиции?

— Несомненно, государь! Я изначально настаивал на избирательном применении насилия как к организаторам погромов, так и к наиболее радикальным элементам в толпе, но приказ я так и не получил. Потому насилие применялось не к погромщикам, а к полиции и тем гражданам, коих мы пытались спасти. Я хотел бы вернуться к эпизоду со Шрадером...

— Да, прошу вас, генерал!

— При повороте с Вальной улицы на Зацепский проезд к управлению участка бывшие тут люди также бросились бить Шрадера и его защитников. Шрадер вновь был повален на землю. Возле автомобиля, стоявшего у подъезда управления участка, Шрадер упал на землю без чувств. Некоторое время, несмотря на все наши усилия, Шрадера нам не удавалось поднять, но затем приставы Диевский и Косоротов и околоточные надзиратели, невзирая на противодействие прорвавшейся из-за цепи полиции кучки людей, втолкну-

нули Шрадера в автомобиль. Я встал на подножку автомобиля на противоположной стороне и втащил его за руки вглубь автомобиля. Когда Шрадер был уже в автомобиле, конные городовые нагайками расчистили дорогу. Наш автомобиль тронулся. Я так и остался на подножке, прикрывая своей спиной Шрадера от камней. Несколько негодяев вскочили на подножку, но были ловко стащены ротмистром Киляреским и коллежским советником Диевским на мостовую, а наш автомобиль, повернув за угол на Зацепу, умчался под градом камней.

— Ужасная картина. Невыносимо думать, что всё это происходило в нашей Москве!

— А в это время у фабрики Шрадера появилась новая толпа. Пользуясь отсутствием полиции, негодяи схватили сестру владельца фабрики Бетти Энгельс, жену директора Эмилию Янсен, сестру его Конкордию и тещу его же Эмилию Штолле и двух из них сбросили в водоотводный канал, где они утонули. Две другие были избиты настолько, что одна умерла на месте, а другая — по доставлении в Голицынскую больницу. Эти четыре женщины были бы спасены, государь, если бы рабочие фабрики Шрадера при моем опросе сообщили об их присутствии. Не трудно и не долго было бы вывезти их на автомобиль за Устьинский мост, а потом уже ехать спасать Романа Шрадера. Нам очень жаль, что они погибли... Погром на фабрике Шрадера был приостановлен около десяти часов вечера нарядом конных жандармов. Окончательно же буйствовавшая возле фабрики Шрадера толпа была разогнана около полуночи, когда я вернулся туда с освободившимся от фабрики Винтера значительным конным нарядом. Когда всё уже успокоилось, то задержанные на фабрике Винтера под усиленным конвоем были отправлены в Рогожский полицейский дом.

— Почему именно туда?

— Обычно мы там арестантов не держим. Потому я и рассчитывал, что нам удастся тайно удержать их там от штурма и насильственного освобождения. По крайней мере, до прибытия в город армейских подразделений или просто до естественного затухания погромов.

— Удержали?

— Удержали, государь! Войска прибыли в Москву 29 мая. Примерно между 7 и 8 часами утра.

— Насколько это помогло восстановить порядок?

— Погромы не стихали, но присутствие войск и ожесточение полиции произвели на массу погромщиков необходимое воздействие.

— Скажите, генерал, стянутые к Москве войска принимали какое-либо непосредственное участие в рассеивании толп?

— Никак нет, Ваше Величество! Войска в рассеивании толп участия не принимали, а лишь выходили к тем местам, где действовали наряды полиции.

— Что вы скажете о поведении градоначальника во время этих событий?

— Я генералу Адрианову многим обязан по службе. Не мне, государь, давать оценку его действиям, поймите меня правильно.

— Извольте быть со мной откровенным! Я же не спрашиваю вас о чувствах, кои вы можете питать к вашему непосредственному начальнику. Меня интересует, соответствует ли его поведение сложившейся в городе обстановке?

— Государь, генерал Адрианов был уверен, что поведение толпы не выльется в насильственные действия. Я испрашивал его согласия на применение казаков и конных нарядов полиции еще в первые часы волнений, но градоначальник надеялся на то, что под воздействием его увещаний ситуация разрешится мирно. Считаю ошибкой градоначальника то, что он попытался возглавить шествие к генерал-губернаторскому дому. Его присутствие в толпе смутило гражданские власти, лишило полицию возможности действовать решительно. У нас были все резоны опасаться за жизнь генерала Адрианова. Александр Александрович — храбрый и благородный человек, но в обозначенной ситуации вел себя весьма доверчиво к агрессивно настроенной массе.

— Присутствующий здесь генерал Джунковский довел до меня суть предъявленных вам претензий. Вы, как я полагаю, успели ознакомиться

с требованием прокурора Московского окружного суда по отстранению вас от должности?

— Так точно, государь! Готов изложить обстоятельства дела, тем более что без них картина происшедших в Москве беспорядков могла бы показаться вам неполной.

— Продолжайте!

— Речь идет о событиях следующего дня, то есть о 28 мая, за день до ввода войск в Москву.

— Да, я понял.

— Как я вам только что докладывал, около часу ночи 28 мая мною было сделано распоряжение об отправке 63 разбойников, задержанных по приказанию градоначальника во дворе фабрики Винтера, в Рогожский полицейский дом. Обычно там задержанные в районе Замоскворечья не содержатся. Мы провели по улицам означенных лиц настолько скрытно, что рабочие и другие обыватели Замоскворечья целый день 28 мая не знали, куда помещены арестованные люди. Сделав упомянутое распоряжение, я поехал к градоначальнику с докладом. Вернулся же я в свою квартиру около 3 часов ночи. По телефону я передал приказание о том, чтобы с 6 часов утра все свободные городские и околоточные надзиратели находились при управлениях участков и чтобы проживающие на фабриках и заводах лица с немецкими фамилиями были предупреждены об опасности, которая может им грозить. В 6 часов утра я проверил по телефону, исполнено ли мое приказание, и сделал распоряжение об отправке в назначенные места конных нарядов. Интересуют ли вас, Ваше Величество, сии подробности?

— Продолжайте, Николай Антонович!

Джунковский одобрительно закачал головой, показывая Миткевичу-Жолтку, что именно подробного повествования царь и ожидает. Император считал для себя необходимым вникать в детали, разумно полагая, что в нихто “и таится дьявол”. Джунковский же был заинтересован в скорейшем завершении прокурорской и сенатской проверок деятельности московской полиции. Сновавшие по коридорам здания московского градоначальника подлые людшки из прокуратуры изрядно ему надоели, да и сам Миткевич-Жолток вызывал в нем искреннюю и уже ничем не скрываемую симпатию. Жандарм понимал, что во всей Российской империи есть только один человек, во власти которого — остановить возможное судебное преследование московских полицейских чинов, сделавших, по сути, всё от них возможное для усмирения взбунтовавшейся московской черни. Этим человеком был сидящий по его левую руку царь Николай, и Джунковский желал, чтобы докладчик произвел на него серьезное и приятное впечатление. Джунковский болел за Миткевича-Жолтка всей душой — так, что его волнение и подергивание себя за ус всё более становились заметными государю. Впрочем, царь не хотел сбивать рапорт полицмейстера и сосредоточил всё свое внимание на излагаемых им и до сих пор не известных ему фактах.

— Около 7 часов утра мне было доложено, что рабочие фабрики Товарищества Рябовской мануфактуры, в числе около 600 человек, вышли с фабрики с вашим портретом и с национальными флагами. Было также передано, что с пением гимна и молитвы они направились к фабрике Даниловской мануфактуры и что, не приступивши к работам, рабочие этой фабрики ищут немцев.

— Лучше бы они их на фронте искали!

— Так точно!.. Вызвав к Серпуховской заставе 20 конных городских от 3-го отделения, я поехал туда с приставом Диевским и встретил у заставы многочисленную толпу. Она вела 10 человек немцев-эльзасцев. Опасаясь, что, пока эльзасцев доведут до управления участка, они будут избиты до смерти, я объявил, что арестую их тотчас же и с конвоем отправлю в пересыльную тюрьму. Эльзасцы были переданы полиции. Исключительно для их собственной безопасности, действительно, они были отправлены в означенную тюрьму, причем в заранее приготовленной арестантской карете. Дав необходимые указания исполнявшему обязанности пристава, я поехал на электрическую станцию Общества 1886 года. Оттуда были получены известия

тревожного характера. Я приказал 20 конным городовым переехать от Серпуховской заставы на эту станцию. Дорогою, сворачивая с Кузнецкой улицы на Пятницкую, я увидел толпу у ворот Пятницкого полицейского дома и, остановившись, пошел к ней. Как оказалось впоследствии, толпа эта до моего приезда была встречена приставом подполковником Танасюком. Ему-то она и предъявила требование об освобождении арестованных накануне 63 рабочих. Пристав заявил, что здесь никаких рабочих, мол, нет и где они содержатся, ему не известно. Вместе с тем пристав разъяснил толпе, что освобождение этих арестованных зависит от недавно назначенного на Москву вашим Высочайшим указом князя Юсупова и судебных властей, а не от полиции. Мне показалось, что толпа начала сдаваться на убеждение пристава, так как голова ее стала выходить на Пятницкую улицу. Как раз в этот момент к Пятницкому полицейскому дому подъехал и я. Но тут от Серпуховских ворот по Пятницкой улице подошла новая толпа, еще более многочисленная, чем первая. Теперь уже ими ко мне были предъявлены требования освободить задержанных накануне рабочих или сказать, где они находятся. Я увещевал толпу не производить насилия, что мне и удалось отчасти, так как бывшие впереди начали продвигаться к Климентовскому переулку. Однако значительное число людей рассылалось по двору и продолжало требовать освобождения арестованных. Некоторые из них кричали, чтобы выдали им немцев-шпионов. Я вошел в управление участка и приказал вызвать по телефону конный наряд от Серпуховской заставы.

— Где в то время находился генерал Адрианов?

— Градоначальник как раз прибыл на место и потребовал меня и пристава к себе. Мы вышли на улицу, на угол Климентовского переулочка, и стояли возле градоначальника, пока он убеждал толпу, что своею властью он не может освободить арестованных, а это зависит от главноначальствующего и прокурора Московского окружного суда. Могу подтвердить, что бывшие на улице поверили Александру Александровичу и двинулись было к Чугунному мосту. Генерал Адрианов сразу же уехал. Но бывшие во дворе не слышали его убеждений и продолжали наседать на помощника пристава Барабаша. Они угрожали ему произвести разгромы арестантского корпуса. Некоторые из толпы влезали на крышу этого корпуса, стараясь проникнуть на чердак. Я увидел это, когда проводил градоначальника и с приставом подполковником Танасюком и коллежским советником Диевским вошел во двор Пятницкого полицейского дома.

К этому времени туда успела ввалиться еще одна толпа. Впереди нее женщина несла банку с заспиртованным недоноском и кричала: “Вот как немцы избивают детей”.

— Боже, спаси!

— Пристав подполковник Танасюк стал разъяснять толпе, что заспиртованный недоносок есть препарат для научной цели. Я же с приставом Диевским пробился к арестантскому корпусу. В это время выделенные толпою человек 20–30 проверяли арестованных. Сюда же через 2–3 минуты пришел пристав Танасюк, с которым мы убедили проверявших выйти во двор, что они и исполнили. Именно тогда нами был обнаружен побег шести лиц, содержащихся в полицейском доме. Воспользовавшись суматохою, они скрылись. Эти лица либо ожидали отправления в сыскную полицию, либо отбывали арест за торговлю вином. Толпа, убедившись, что ни арестованных рабочих, ни немцев в Пятницком полицейском доме нет, стала расходиться. Когда прибыл конный наряд, во дворе оставались незначительные кучки людей.

— Так что же всё-таки там произошло и как могло подобное случиться, генерал?

— Как я выяснил впоследствии, допуск депутации от толпы к арестантским камерам произошел при следующих обстоятельствах. Помощник пристава Барабаш был окружен плотным кольцом озлобленных людей. Долгое время он пытался убедить их уйти со двора, и только видя, что арестантскому корпусу угрожает опасность, и слыша крики: “Генерал приказал открыть камеры!”, он, не имея возможности проверить основательность этих криков,

предложил дежурному помощнику смотрителя идти к камерам и взять с собою ключи.

— Ловко они это с ним проделали!

— Камеры были открыты. При этом помощник пристава Барабаш был оттиснут к пожарным сараям. Толпа намеревалась их ломать, заподозрив, что арестованные накануне рабочие спрятаны там.

— Что это были за люди? Эти... которым удалось бежать? Политические?

— Четверо сидели за незаконную торговлю вином на улице, один — злостный мелкий должник-пьяница и шестой — крестьянин, затеявший в кабаке ссору.

— Гм. Мне доложили, что побег был осуществлен группой революционно настроенных людей, можно сказать, зачинщиков погромов.

— Никак нет. Это были люди, задержанные еще за пару дней до беспорядков и по тем основаниям, о которых я только что вам доложил. Люди социальных низов, допустившие незначительные правонарушения. Так вот. Я не отдавал распоряжения допустить депутацию от толпы проверять этих арестованных и не знал о проверке, пока не пробился к арестантскому корпусу. Почему из толпы кричали, что “генерал разрешил произвести проверку” и кого подразумевали под словом “генерал” — меня или градоначальника — я не знаю. Если бы я и пристав подполковник Танасюк успели бы подойти к арестантскому корпусу ранее, то не допустили бы толпу в камеры. Побега шести арестованных тогда бы не было. Но мы сочли своею обязанностью не оставлять градоначальника одного среди ожесточенной массы людей, ввиду опасности насильственных против него действий. Они могли последовать от окрика какого-нибудь хулигана, как это было накануне в отношении пристава подполковника Эклона, о чем я уже вам, государь, докладывал.

— Бог с ними. Какие конкретные указания поступали вам от Адрианова?

— Согласно приказанию градоначальника, 28 мая главное внимание полиции 4-го отделения было обращено на охрану электрической станции и Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, где в то время находилась великая княгиня Елисавета Феодоровна.

— Несчастливая княгиня так натерпелась!

— Государь, Елисавета Феодоровна ни на минуту не теряла присутствие духа. Я несколько раз справлялся о ней, пару раз лично посетил обитель. Она мужественная женщина. Здесь, на Большой Ордынке, я находился с 3 часов дня и отлучался лишь к Якиманскому полицейскому дому, когда туда приходила большая толпа. В прочие же места я не выезжал, ограничиваясь распоряжениями по телефону, ввиду имевшихся сведений о намерении рабочих произвести погром на Большой Ордынке. Сведения эти были верные, так как означенное намерение пытались осуществить одна за другою целых три толпы не только на 28-го, а 29 мая утром, когда они были рассеяны нарядом полиции под моим руководством.

Ко всему изложенному мною, государь, необходимо добавить, что я не держал с утра наряда полиции во дворе Пятницкого и Якиманского полицейских домов, так как наряд этот мог быть взят только из Рогожских участков. Но их нельзя было ослаблять вследствие нахождения в Рогожском полицейском доме 63 задержанных накануне во дворе фабрики Винтера. Да я и не ожидал ожесточенного нападения ни на Пятницкий, ни на Якиманский полицейские дома, в которых не содержалось ни рабочих, ни немцев, а предполагал, что толпа явится требовать освобождения арестованных в Рогожский полицейский дом. Относительно его охраны мною и были приняты соответствующие меры. Правда, в Пятницком полицейском доме 28 мая было свободных 10 служителей, но они, как и все вообще служители полицейских домов в Москве, будучи людьми малорослыми, малосильными, не могли противостоять тысячной толпе. Вызванный же мною конный наряд хотя и шел на рысях от Серпуховской заставы, но прибыть своевременно не мог.

Положительные результаты деятельности моей и чинов полиции были следующие. 28 мая мы спасли от избиения толпою 24 человека. Кроме сего, нами были предотвращены погромы и пожары во многих местах. Мы также

выполнили две важнейшие и лежавшие на нас задачи, а именно: электрическая станция Общества 1886 года была охранена от разгрома, а Марфо-Мариинская обитель находилась в безопасности от бесчинствовавших толп. Что было сделано полицией 4-го отделения накануне 27 мая и на другой день 29 мая, я вам, государь, уже подробно изложил.

— Ваш подробный рассказ, генерал, лишь только укрепил меня во мнении, что всё сие движение толп было хорошо продумано и организовано. Как следует из рапорта, рабочие некоторых мануфактур проявляли необходимое терпение, чтобы дожидаться своих товарищей с соседних фабрик и уж потом выступать единой массой. Сие есть знак тревожный, господа.

Император повернулся к жандарму.

— Генерал Джунковский, вам я поручил провести должное расследование обстоятельств погромов, направленных против наших подданных германского и эльзасского происхождения. Хочу знать ваше мнение о действиях генерала Миткевича-Жолтка по наведению порядка в центре города. Вы сейчас слышали то же, что и я, но в отличие от нас могли подробно заслушать и изучить позицию стороны обвинения. Так каково ваше мнение?

— Ваше Императорское Величество! Считаю действия полицмейстера 4-го отделения города Москвы вполне соответствующими сложившейся обстановке. Полиция действовала в отсутствие приказа по применению силы, без поддержки казачьих частей, которым было запрещено вмешиваться. Сия вина целиком лежит на градоначальнике генерал-майоре Адрианове. Прошу вашего согласия на отстранение генерала Адрианова от должности. Также позвольте мне высказать свою уверенность в необходимости провести дополнительное расследование обстоятельств бесчинств и поджогов с целью выяснения личности зачинщиков беспорядков. Что же касается присутствующего здесь генерал-майора Миткевича-Жолтка, то ходатайствую, государь, о его поощрении. Ваша милость в отношении Николая Антоновича вызовет поддержку среди полицейских чинов Москвы, ибо никто не сомневается в личной храбрости и умелом руководстве им московской полицией в столь опасной и непредсказуемой обстановке.

— Идет война, Владимир Федорович, и я не думаю, что в результате майского разгрома нашей древней столицы мы можем говорить о чем-либо геройстве. Однако в одном, пожалуй, вы правы. Вы, генерал-майор Миткевич-Жолток, действовали в чрезвычайно сложных обстоятельствах, противостоя многотысячной толпе. Я благодарю вас за все, что вам удалось сделать. Однако я принял решение о смене всего руководства московской полицией, а с ним и градоначальника. Градоначальствующему генерал-губернатору князю Феликсу Феликсовичу Юсупову мною поручено представить на сей счет свои предложения. Вы же, Николай Антонович, без промедления отправляйтесь на фронт. Обстановка там тревожная. Ваш опыт работы в полиции и военной прокуратуре придется там как нигде кстати. Вы возглавите один из головных эвакуационных пунктов Западного фронта. Наведите там порядок в кратчайшие сроки. Прощайте же, господа!

Император встал и слегка поклонился своим гостям, давая понять, что разговор окончен.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

В эту зиму в Москве выпало снега так много, что его огромные и сверкающие на солнце сугробы громоздились в Соколическом парке на каждом углу. Эти белоснежные цитадели были столь велики, что полностью закрывали водителям боковой обзор. На каждом повороте приходилось не только притормаживать, но и полностью останавливать тяжелую машину. Надо сказать, что делала она это неохотно, ворча своей АВШкой всякий раз, как только я покушался на ее степенное, ровное и полное уважения к себе движение. Так, короткими переездами-перебежками мы наконец добрались до ворот госпиталя и остановились напротив его проходной.

— Не надо пропуска! Проходите так. Мы вас знаем. — Дюжий охранник, показавшийся в коридоре проходной, нажал на какую-то кнопку, и крутящаяся калитка поддалась моему давлению и со скрипом провернулась.

— А вы к кому? Вам пропуск нужен, — послышалось за моей спиной. Калитка вздрогнула и застыла, удерживаемая невидимым механизмом. Охранник вновь высунулся из своей коморки, откуда доносились звук телевизора и пряный запах колбасы.

— Это мой сын. Он со мной, — я показал Алексею, чтобы он не задерживался и следовал за мной. Охранник мигнул обоими глазами в знак согласия, калитка заскрипела, пропуская Алексея к внутренней двери проходной. Потеряв к нам интерес, голова охранника привычно крутанулась на 180 градусов в сторону очередного посетителя и занялась его расспросом.

По скрипучему снегу, опасаясь затаившегося под ним льда, мы короткими шажками проскользили по внутреннему двору и в компании клубов ледяного воздуха вошли в просторный мраморный вестибюль госпиталя. В полупустой гардеробной о чем-то ворковали две пожилые женщины, где-то под боком у них играла музыка из старого советского ретранслятора. Мимо со швабрами и ведрами с водой прошли два тощих солдата-санитара. Они не без интереса взглянули на наши продуктовые пакеты с рекламой известной торговой марки. “В 18 лет всем парням всё время есть хочется”, — подумал я и вспомнил, как мы на военных сборах под матрацами сушили хлеб и потом после отбоя всей палаткой хрустели безвкусными сухарями, мечтая о доме, мамке и кастрюле с борщом.

Миновав три ступеньки, мы вошли в лифтовой холл и вызвали одну из кабинок.

— Ты внизу никогда не раздеваешься? — сын стянул с себя куртку и стал разматывать шарф.

— А зачем, когда можно всё в палате на окне оставить? Слушай, мы сейчас с дедом поздороваемся, и ты с ним останься, пока я схожу к врачам на консилиум. Главврач меня к одиннадцати ждет.

— Хорошо, пока почаёвничаю с ним.

Я осторожно открыл дверь в палату и громко спросил:

— Можно?

— А! Тома, сынуля приехал! Да не один, а с Лёшенькой! — Отец, став совсем больным, перешел в общении с родными на уменьшительно-ласкательные суффиксы.

— Проходите, что там застыли?

— А мама где?

— В столовой. За хлебом пошла. А обеды нам Танечка, сестра твоя, привозит. Так что мы в ажуре!

— Так если мать в столовой, что ты ее кличешь?

— Не говори! Точно! Старый стал, больной...

Я наклонился к отцу и поцеловал его. Подумал: “Худощий. Совсем высох. И выглядит намного хуже прошлого раза”.

— Ну как ты себя чувствуешь, пап?

— Да неважно. Нога болит. Есть не могу, организм еду не принимает. Домой хочу. Вот думаю, сделают мне операцию — домой поеду. Здесь мне всё надоело, а дома стены лечат.

— Пап, ты пока с Лехой поговори, а я в госпитальную аптеку схожу, мне там кое-что надо. Скоро вернусь. — Я встал, уступая сыну место у кровати, и вышел в коридор. Там меня уже ждал незнакомый доктор. По больничным коридорам он провел меня в ординаторскую, где начальник клиники собрал на консилиум всех специалистов, имевших отношение к лечению отца.

— Ну, мы здесь, пока вас ждали, уже обменялись мнениями. Вы — сын Олега Константиновича и должны знать всю правду. Операция ему уже не поможет. Он неоперабелен. Метастазы поразили всю брюшную область и лимфоузлы. Лечение предлагается медикаментозное, консервативное. Да и лечением-то это не назовешь. В общем, будем пытаться всем, что есть в наших силах, облегчить его страдания. Переходим на самый сильный препарат.

— Сколько ему осталось?

— Это очень индивидуально! — В разговор включился бритый наголо военный врач, похожий на облученного физика-ядерщика. — Может быть месяц, а могут быть и дни. Всё зависит от силы сердца. Оно у Олега Константиновича мощное, совсем еще молодое, но две химиотерапии ослабили его значительно. Понимаете, химия — это зараза, которая и опухоль убивает, и сердце. Помочь она может, но только в среднем возрасте. У пожилых людей нет такого жизненного ресурса, чтоб выкарабкаться после яда.

— Зачем же тогда его вводят?

— Пробуем всё, чтобы остановить болезнь!

— Что вы советуете нам, родным? Как мне лучше мать настроить, семью? Что вы обычно рекомендуете в таких случаях?

Начальник госпиталя, видимо, сочтя, что ответ на данный вопрос имеет отношение к его исключительной компетенции, замер в кресле, затем подался телом вперед, встал и вплотную подошел ко мне. Протерев очки и выиграв таким образом пару секунд для формулирования ответа, он наконец тихо произнес:

— Я бы порекомендовал вам обзвонить тех, кто хотел бы еще увидеть Олега Константиновича живым. Пока он в сознании, он будет рад видеть тех, с кем имел дело, дружил, поддерживал приятельские отношения. Скажите этим людям, что он хотел бы их увидеть, а его предупреджайте непосредственно перед их посещением, чтобы он не стал возражать, мол, зачем людей беспокоить. Поверьте, я нахожусь под сильнейшим впечатлением от общения с вашим отцом. Даже если он вам говорит о каких-то своих планах, он на самом деле вас хочет приободрить. Сам-то он свое состояние прекрасно понимает и готовится к концу. Но не стонет, а вас жалеет. Понимаете, в чем дело? Хороший, красивый у вас отец. Нам всем жаль, что он уходит.

— Спасибо за добрые слова!

Мы попрощались. Врач с вечно грустными глазами довел меня до дверей отцовской палаты. Батя дремал. Мама разговаривала с Алексеем, кружась с какими-то чашками в руках в узком пенале гостевого холлчика. Я поцеловал мать и своими словами, не травмируя ее душу, пересказал ей слова докторов. Спросил, где их квартирная телефонная книжка, где записаны телефоны друзей и сослуживцев отца.

— Мама, ты с мобильным вызванивай тех, кого считаешь нужным позвать сюда. Ему худо, видишь, совсем слабый. Только звони из коридора, чтобы папа не слышал.

— Ох, сыночка, дорогой ты мой, сил моих нет видеть, как ему всё хуже и хуже. Уж лучше б я за него болела! Только бы не видеть его страданий...

— Нет, мам, так нельзя говорить. Господь каждому посылает испытания по силам его! Отец сильный, мужественный, ты же знаешь, а ты — слабая женщина. Ты б такого не выдержала, поэтому и не говори так. Ты нам нужна, береги себя! — Я обнял маму, но она вскинула на меня свои мокрые карие глаза, обхватила мое лицо руками, прижалась и горько-горько заплакала. Тогда и я понял, что приближается время, когда душа будет сжиматься и слезы стоять наготове, и сказал себе тотчас, что хоронить моего генерала я буду с сухими глазами. Отец никогда своих слез не показывал, и от меня их не дождутся. И всё тут!

Отец зашевелил рукой и приоткрыл глаза. Я сначала подумал, что он так спит. Нет, точно не спит!

— Папа, ты как? Проснулся?

— Я сейчас удивительный сон видел. Очень хороший. Будто бы мы все собрались, вся семья. И внуки, и правнуки, и дети со своими супругами, и Томочка, и Танины родители, все-все. И сидим мы в лесу за столом. Птицы поют как по заказу. Небо чистое — ни облачка! Солнышко не жаркое, а теплое, легкий ветерок с прохладой. Сидим за столом, а стол весь блюдами покрыт, да со всякой всячиной и вкусятиной. Икра черная и красная, молочные поросята с оливками вместо глаз, соленья, разносолы разные, наливка в кувшинах, кваса и пива по жбану, хлеб горячий, как помнится, на Алтае в эвакуации нас булочник баловал таким хлебом, а мы ему за это воды носили. Вот такой сон прекрасный, даже просыпаться не хотел.

— А меня во сне видел? — Мама присела на край кровати и влажной салфеткой стала вытирать отцу лоб и волосы.

— Я же говорю, и ты там была. Вся наша семья.

— Алик, вот ты поправишься, и мы поедем на дачу, там в лесочке так и усядемся.

— Да нет, это не на даче было. Место какое-то неузнаваемое.

Мать многозначно посмотрела мне в глаза, но я не понял, что означал для нее и отца этот его сон. Сон как сон. Я часто сны вижу, цветные и увлекательные, но только на третий-четвертый день отпуска.

Мама взяла телефон и с Алексеем вышла в коридор. Наверное, звонить пошла по списку друзей.

— Пап, ты не устал? Разговор про нашего полицмейстера продолжим? Есть что тебе рассказать.

— Да-да. Давай. С удовольствием. На чем мы с тобой остановились? ..Банка с недоноском. Слушай, а ведь это целая метафора, образ! Образ русской революции. Недоношенной в 1915-м, но к 17-му году вполне созревшей и вылезшей из этой банки. Страшный образ. Скажи, а что было потом с Николаем Антоновичем? Он ведь на фронт ушел после разговора с царем, так?

— Да. В сентябре он уже прибыл на Западный фронт.

— Дед Борис мне рассказывал, что в конце 1915 года они встретились — отец-генерал и сын-подпоручик.

— Судя по “Краткой записке о службе”, которую я получил из Военно-исторического архива, твой дед в октябре 1915-го был отозван с Северо-Западного фронта и командирован в Офицерскую школу авиации для обучения полетам. Видимо, там и состоялась их первая за время войны и последняя в жизни встреча. Там же, в Военно-историческом архиве, я раздобыл Аттестацию военного летчика, подпоручика Бориса Миткевича-Жолтка. Вот она. Смотри. Так... Графа “Должность и с какого времени” — здесь сказано: “Начальник 3-ей сборочной авиационной базы — с 29 апреля 1917 года”. То есть они оба продолжали служить на разных фронтах: Николай Антонович — на Западном, а Борис Николаевич — на Северо-Западном. Кроме того, дед Борис в 16-м был ранен и находился на излечении.

А вот сейчас прошу внимания! У тебя, отец, будет прилив гордости! Зачитываю характеристику на Бориса Николаевича. Она приложена к его Аттестации. Итак: “Военный летчик подпоручик Борис Николаевич Миткевич-Жолток прекрасно поставил дело сборки и ремонта самолетов. Обладает прекрасными организаторскими и административными способностями. Сумел сплотить весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы. Пользуется любовью товарищей и подчиненных. К подчиненным ровен, требователен. Прекрасный техник. В смысле исполнения служебных обязанностей является примером для всей базы”. Подпись неразборчива. Видно только, что подписал штабс-капитан, командующий 1-м авиационным парком действующей армии.

— А я всё думал, в кого ты у меня такой умный? Оказывается, в прадеда Бориса! — Отец хоть и подшучивал надо мной, но, по всему, был явно доволен характеристикой, данной его предку. — Вот видишь, он не только военным летчиком стал, причем одним из первых в России, но и был основателем военно-воздушной инженерной традиции! Дед твой, мой отец Константин Павлович, — тоже ведь авиационный инженер. Только вот ты у нас диссидент — в дипломаты пробился!

— Пап, как дипломат я часто летаю, значит, тоже могу считаться почетным летчиком бизнес-класса.

— Летчиком-налетчиком, — отец уперся затылком в подушку, поморщился и уставился в потолок. Глаза его слезились. Генерал устал от разговора и эмоций, которые выкачивали силы. — Дай-ка мне воды, летчик-налетчик!

Я поднес к его губам стакан воды. Несколько капель попали мимо цели и скатились по впалым щекам на подушку. По-моему, отец не заметил мою неловкость.

— “Сплотил весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы...” Послушай, Дим, как хорошо, четко сказано. Писано-то почти сто

лет назад, но стиль современный, деловой. “Продуктивная и интенсивная работа!” — это прям как цитата из “Программы вооружений”! Помнишь в фильме “Чапаев”, когда эта молодая дрянь Анка-пулеметчица косила огнем офицерские ряды кашпелевцев, кто-то из красных командиров сказал: “Красиво идет! Интеллигенция!” Вот эта вся интеллигенция, цвет русского офицерства, там на поле и осталась. И штабе-капитан этот там же лежит. Страшная вещь, сын, гражданская война! Потом, в Великую Отечественную перебили поколение молодых советских парней, которые из окопа первыми поднимались на врага. Остались те, кто чудом выжил или кто пошел воевать позже, когда мы бить немцев уже научились, плюс остались окопные и штабные крысы. Вот и идет вырождение нации. Нам выпал страшный век. Тебе и твоим товарищам тяжело будет, но шанс установить длительный мир для России у вас есть. Сумейте им воспользоваться! Сумеешь?

— Сумеем, сумеем. Пап, может, тебе отдохнуть надо?

— Нет, не уходи. Когда с тобой разговариваю, боль подвигается. Знаешь, мне сейчас мощное обезболивающее колот. Иногда все плывет перед глазами. Видения какие-то, не пойму, что — правда, а что — сон. Вот сейчас вижу, что ты в палате — это правда. Давай еще поговорим, если ты никуда не торопишься.

— Да нет, конечно, с удовольствием. Я ж к тебе специально прилетел, да и на службе знают, что я в отпуске в связи с твоей болезнью. Да даже если бы и не в отпуске... Давай я тебе еще кое-что расскажу любопытное про отца Николая и сына Бориса, но сначала кое-что у тебя выведаю.

— Да. Что?

— Вот ты мне рассказывал, что твой дед Борис, когда немцы разбомбили ваш дом на Смоленке, приехал к вам на дачу, где вы жили, и помог вам эвакуироваться на Алтай.

— Да. Так оно и было. Это осенью 41-го...

— Ты говорил, что после демобилизации из РККА он устроился работать в Новочеркасский мелiorативный институт.

— Да. Этот институт был отправлен в эвакуацию, и нас дед посадил с ними в эшелон, и там на Алтае мы были вплоть до конца 42-го года.

— Но дело в том, что дед никогда не работал в Новочеркасске!

— Да нет. Ты сам что-то путаешь.

— Не путаю. Вот ответ на мой запрос председателя комитета по управлению архивным делом администрации Ростовской области: “В процессе поиска в Государственном архиве Ростовской области (далее ГАРО), в Новочеркасском филиале ГАРО, Центре документации новейшей истории Ростовской области, а также в архивах и музеях высших учебных заведений Новочеркасска архивных документов, содержащих информацию о Борисе Николаевиче Миткевиче-Жолтке, не обнаружено”. Точка.

— Ерунда какая-то.

— А хочешь, дам тебе вариант ответа?

— Нет, погоди, дед Борис точно работал в Новочеркасске. Скорее всего, там и похоронен.

— Так вот. Моя версия следующая. Копаюсь в интернете в поисках хоть какой-то дополнительной информации о людях, носивших эту польскую фамилию, я наткнулся на протоколы допроса некоего Бобрищева-Пушкина. Этот странный человек удостоился внимания и отдельного исследования историка Анатолия Разумова. В 2007 году он опубликовал его в журнале “Звезда”. Короче, потомственный дворянин Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин был адвокатом и защищал всех — без разбора их партийно-политической принадлежности. Этот Бобрищев-Пушкин участвовал в процессе Бейлиса, после Октябрьского переворота защищал Пуришкевича. Так увлеклся собственным творчеством, что публиковал свои судебные речи, не говоря уж о драматических произведениях. Был явно не в себе. Но я не об этом. С 1918 года он на юге России, видимо, приблизился как-то к Деникину или Врангелю писарем в штаб. Затем вместе со всеми эмигрировал в Сербию, позже в Германию. Участвовал в движении “Смена вех”. Потом вдруг решил вернуться в Советскую Россию, тут его большевики и сцапали. Судя по его

болтовне на судебном процессе, он хорошо знал и отца-генерала, и сына-летчика Миткевичей. Причем с удовольствием закладывает обоих. Вот смотри, какая прелесть:

“Подсудимый БОБРИЩЕВ-ПУШКИН на вопросы суда:

Враждебные отношения к мероприятиям Советской власти у меня возникли с 1928 года, т. е. с момента раскулачивания в деревне, когда решения XIV партконференции Сталин приказал подложить под сукно. Это было первое отступление от Ленинской политики.

Закон от 7/VIII-32 года я считаю вторым отступлением. Я сразу же написал в Коллегию защитников, что этому закону я не сочувствую и прошу меня на такие дела защитником не назначать. Политика ликвидации кулачества расходуется с политикой Ленина.

Да, я нахожусь в оппозиции к Сталинскому Правительству, но не к Советской власти, и считаю, что лучше было бы, если власть перешла бы от Сталина в другие руки, а со Сталиным поступили так, как с Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

Ленина я считал моим политическим противником, но умным и гениальным руководителем России. С 1928 года его дело губится.

Миткевича я никогда не видал. Моя жена в 1930 году с ним уезжала в Москву, откуда вернулась нарядная. Я у нее спросил — почему; она сказала, что Миткевич получил аванс за шпионскую связь. Вот все, что я знаю о Миткевиче. Донести на него я не мог, т. к. жена сказала бы, что я мщу ей и ему за “рога”.

Некто Флегентов действительно приходил ко мне узнать адрес Миткевича с тем, чтобы передать ему посмертное завещание и ценности его отца генерала Миткевича. Я поехал к сестре Миткевича О. А. Миткевич узнать его адрес. Оказалось, что О. А. Миткевич ему не была сестрой, а только дальней родственницей, и адреса Миткевича она не знала, и я так и не узнал этого адреса”.

— Ну и что из этого следует? При чем здесь Новочеркасск?

— При том, что, во-первых, ОГПУ-НКВД интересовалось генералом Миткевичем, и со слов Бобрищева-Пушкина следует, что умер Николай Антонович где-то в эмиграции в конце 20-х годов или же в 1930 году. Во-вторых, следовательно по делу Бобрищева-Пушкина задавал подсудимому вопрос о “шпионской деятельности” Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка, и этот болтун Бобрищев-Пушкин практически дает против него показания. В-третьих, и это и есть мой тебе ответ насчет Новочеркасска: не было никакого Новочеркасска и никакого мелиоративного института, точнее, институт, конечно, был, но твой дед там никогда не работал, о чем и свидетельствует ответ из Ростова. Судя по всему, Борис Николаевич знал, что все его заслуги перед русской авиацией — ничто в глазах сталинских “троек”, и в “расход” его, как потомка аристократического рода и царского офицера, пустят, даже не икнув. Вот почему он, видимо, заблаговременно демобилизовавшись из РККА, запустил через друзей и родных версию о своем “самозаточении” в Новочеркаске, а сам скрывался в другом месте. Появился он в Москве лишь осенью 41-го, рискуя, и только для того, чтобы спасти свою дочь и ее детей, в том числе и тебя. Что думаешь? Да, пока ты думаешь, я не исключаяю и такой версии, как то, что он действительно был связан с русской белой эмиграцией. Но эта версия экзотическая.

Смотри. Николай Антонович после революции примкнул к Добровольческой армии Деникина, я сейчас тебе об этом расскажу. Чекисты и советская военная разведка интересовались положением дел в русской эмиграции, особенно после нападения Гитлера на СССР. Известно, что часть этой эмиграции стала коллаборационистской. Шкуро, Краснов... Они, по сути, предали страну, перепутав большевизм с Россией. А вот Деникин отверг предложение немцев о сотрудничестве. Причем демонстративно. Я уверен, что Москва работала с Деникиным и многими другими русскими патриотами в изгнании. Знаешь, в Бельгии мы накануне 9 мая объезжаем захоронения русских участников антифашистского движения Сопротивления. Таких мест более 30.

Могилы в основном безымянные, но все местные жители знают, что покоятся в них русские, причем как советские военнопленные, сумевшие бежать из концлагерей, так и русские офицеры-эмигранты, создавшие сеть антигитлеровского подполья. Что касается Деникина (а он был символ, между прочим!), то в его ситуации стоило опасаться малознакомых людей из России. Но генерала Миткевича-Жолтка он знал очень хорошо и близко, доверял ему. Значит, был наслышан и о его старшем сыне Борисе, летчике, оставшемся в России. Я уверен, что советская военная разведка через нашего деда Бориса поддерживала связь с той частью русской воинской эмиграции, которая в начатой Гитлером войне приняла сторону своей родины и своего народа. Потому Новочеркасский мелиоративный институт, в котором якобы работал летчик-дворянин Борис Николаевич Миткевич-Жолток — это всего лишь “крыша”, не более того.

— Гм. Что я тебе скажу... Всё может быть. Неожиданный оборот принимает это дело. А с Николаем Антоновичем как этот Бобрищев-Пушкин связан был?

— Никак. Но вчитайся в слова подсудимого. Он говорил об “отце-генерале” как о человеке, имя которого явно уже произносилось в зале суда, либо он знал его настолько хорошо, что даже не считал необходимым пояснять, о ком конкретно идет речь. А дело вот в чем. В той самой бумаге, которую я тебе только что зачитывал, — ну вот эта, ростовская, из архива, в ней говорится далее: “В ходе поиска в ГАРО выявлена копия приказа Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта А. И. Деникина от 22 января 1919 года № 141, в приложении к которому указывается фамилия генерал-майора Миткевича-Жолтка без указания инициалов”. Вот оно — это приложение. Смотри, в списке генералов резерва чинов при штабе Деникина под номером 3 числится наш с тобой “Миткевич-Жолток”. Сразу звоню историку Белого движения Сергею Владимировичу Волкову, и он подтверждает, что твой прадед действительно играл довольно-таки важную роль как в штабе Деникина, так и после смены его Врангелем на посту главнокомандующего. Более того, Волков уточнил, что работал Николай Антонович “по профилю”, в частности, он был заместителем начальника штаба Государственной стражи России. Это что-то типа МВД плюс ФСБ, ФСО — всё в одном флаконе. В 1920-м генерал Миткевич-Жолток вместе со всеми уходит из Севастополя — то ли в Югославию, то ли в Турцию. Далее его следы теряются. Я недавно был в Белграде. Польские свозили меня на так называемое Новое кладбище, где захоронен цвет русской армии в изгнании. Нашего прадеда там нет, хотя и перелопатил все архивы и напряг городские власти Белграда. Нет никаких упоминаний. Возможно, в Югославии он не задержался, уехал в Европу, — Германию, например. Или действительно попал он в Турцию, а уж потом — в Европу. Сложно сказать, буду искать.

— Молодец, сын. Я знаю, ты их найдешь. Из-под земли найдешь.

— Ну а где мне их еще искать?

— И я там скоро буду. В земле. Ты где меня похоронишь? Сделай так, чтоб без соплей. По-офицерски. По-русски.

— Я всё для тебя сделаю.

Отец меня уже не слышал. Он лежал с полуоткрытыми глазами, отключившись от меня и моих историй. Он сам готовился стать историей. Историей верности своей стране и профессиональному долгу.

Уходил не только мой отец. Уходил мой друг и единомышленник, и я всё более ощущал надвигающуюся на меня тоску.

Батя, не умирай! Ну чем помочь тебе? Почему ты должен так страдать, так мучиться и изводиться от неусыпной, неутомимой и всёвозрастающей боли? Помогаю ли я тебе своими рассказами об истории нашего офицерского рода или утомляю тебя в тот момент, когда надо собраться с мыслями и собственными воспоминаниями? Ну, скажи! Я всё пойму и поступлю так, как ты скажешь. Только не умирай!

ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ

Старому генералу становилось всё сложнее бороться с болью. Он понимал по глазам навещающих его родных и утяжеленным инъекциям наркотиков, то и дело отключавших его сознание, что развязка близка. Обезболивающие средства накачивались то дурманом, то воспоминаниями из далекого прошлого. Вот и сейчас Олег Константинович вновь соскользнул в своей памяти в юношеские годы — годы, которые война тщательно пыталась у него украсть.

Облик сидящего у больничной койки сына начал размываться. Голос его становился всё глуше и тише, кровать будто бы накренилась, и небо... Небо в окне потекло красками на пол, всё вокруг завьюжилось, скрутилось и вдруг влетело в голову, в самый мозг генерала.

Наступила тишина. Олег Константинович вдруг увидел... себя. Увидел так, как никогда во сне не видел, — явственно, вот руку протяни и почувствуешь тонкое пальтишко и шаль, затянутую на шее парня. Перед ним у машины грузовика стоял мальчик лет двенадцати с рябым, обветренным лицом. Он пытался залезть в полуторку, но, видимо, ни сил, ни ловкости ему не хватало...

* * *

— Давай, Алик, живей! — Дед Борис, не дожидаясь пока исхудавший подросток изловчится и перевалится через борт грузовика, посадил его и буквально впахнул вглубь машины. Затем двухметровый гигант сам залез в кузов, проверил замерзшие замки на бортах, перешагнул через свернувшегося у мешков с картошкой внука и, невольно ссутулясь от сильного, колющего от снега ветра, подобрался к кабине и, хлопнув по ней два раза, крикнул: “Трогай!”.

Провернувшись на льду, колеса наконец зацепили грунт, и полуторка, раскачиваясь, поплыла по ухабистой дороге. Уже через минуту вид дачного поселка совсем растаял в утренней морозной мгле, и дальше только ветви присыпанных ноябрьским снегом деревьев чертили в небе коридор, уносящий Алика и его семью всё дальше от линии фронта. Примерно через полчаса грузовик выехал на твердое полотно Дмитровского шоссе и, прибавив скорость, побежал трусцой к Москве.

Дед сгреб Алика в охапку, чтобы парень совсем не замерз на ледяном ветру. При каждом торможении у дорожных блокпостов, заваленных мешками с песком и окруженных противотанковыми орудиями и стоящими поодаль зенитками, спина Алика еще крепче вжималась в тулуп деда, а его горячее мужское дыхание пробивалось сквозь плотно завязанный шарф прижавшегося к нему подростка.

“Дед!” — Алик был несказанно рад чудесному его появлению на даче под Лобней, куда мама привезла его с сестренкой после того, как от их дома на Смоленской площади не осталось ничего, кроме груды разбитого красного кирпича. Немецкая бомба не пожалела ни личных вещей, ни остатков посуды, ни даже любимого альбома с почтовыми марками, который Алик собирал с середины 30-х годов. Больше всего он жалел, что немецкий летчик сжег его альбом, где хранилась выменная у Женьки Степанова погашенная марка Бельгийского Конго. Алик считал ее бесценной, и даже надранное отцом ухо за пропавший бесследно серебряный портсигар, на который и был произведен обмен, он вспоминал с удовольствием, ибо оно было той малой ценой, которую пришлось уплатить за приобретение этого несметного богатства. Но как ни копошился Алик среди развалин родного дома, как ни старался разгрести то, что осталось от его рухнувших стен, альбома нигде не было, а значит, марка Бельгийского Конго исчезла навсегда...

— Стой! — по приказу офицера полуторка остановилась. — Проверка документов!

Кто-то грузный зацепился за левый борт полуторки, да так, что она немного накренилась. Прямо над Аликом появилось красное от мороза лицо

молодого солдата, укутанное в шапку-ушанку. На нем был светлый овчинный тулуп, а не шинель, которую привычно было видеть на красноармейцах и добровольцах, отправлявшихся из Москвы на подвигавшийся к ней фронт. В таких вот шинелях ушли на войну все старшие товарищи Алика, все ребята со двора. Они даже письма родным написать не успели — похоронки их опередили. Вот тогда Алик и его одноклассники как-то сразу повзрослели и сами засобирались на войну, да малы были еще.

Отец, оставив семью в Москве, срочно уехал в Ленинград еще в конце сентября — его назначили старшим инженером на подбитый люфтваффе и севший на мель у Кронштадта линкор “Марат”. Под его руководством рабочие ремонтного завода восстановили уцелевшие орудийные башни, и полузатопленный корабль превратился в грозную артиллерийскую батарею, прикрывавшую Ленинград от немецких войск. Именно отец прислал с московского завода машину, чтобы вывезти свою Наталью, сына и малолетнюю дочь на летнюю дачу по Савеловской железной дороге, но уже в конце октября стало ясно, что оставаться там было небезопасно. Немецкие части рвались к столице, канонада приближалась каждый день. Соседи по поселку срочно собирали вещи и разъезжались кто куда. Живший в соседнем доме сельский учитель пересказал матери Алика разговор красноармейцев, разговаривавших в школе, что на окраине Лобни уже видели фрицев, наверное, разведгруппу. Мать плакала. Ехать ей, бабе Лизе и детям было некуда — дом в Москве разрушен, муж — на фронте, далеко. На деда Бориса семья и не надеялась. После того как соседка еще в середине 30-х рассказала матери, что у ее отца-дворянина Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка большие проблемы с чекистами, о дедушке Алик вообще перестал что-либо слышать. На расспросы мать отвечала сухо. Мол, “демобилизировался и уехал в Новочеркасск”, дескать, “работает в мелиоративном институте, и всё тут, хватит болтать!” А ведь Алик помнил приезжавшего к ним в Москву деда-исполина в форме пилота, с тремя ромбами на петлицах, легко поднимавшего его — тогда еще совсем мальчишку — к потолку и однажды даже посадившего верхом на лошадь — под громкие протесты матери. А тут вдруг исчез. Из разговоров, конечно, но не из сердца. Алик иногда замечал, как мама у плиты шепталась с бабой Лизой об отце, однажды как-то быстро прервала с ней разговор, выбежав из кухни с заплаканными глазами, пряча под салфеткой на трюмо чью-то фотографию.

Алик заглянул под салфетку и достал фото. На ней был изображен дед Борис в старинной форме офицера царской армии, стоящий с каким-то летчиком-сослуживцем у винта самолета. На обороте Алик прочел надпись, сделанную чернилами: “Борису Миткевичу-Жолтку с восхищением. Штабс-капитан Нестеров. Львов. 1914 г.”

Уже потом Алик узнал, что причиной ссоры матери с бабушкой стал ее развод с дедом Борисом. Подала она на него в самое неподходящее время, когда им заинтересовался НКВД, по причине внешне объяснимой — уберечь семью в то страшное время сталинской мясорубки, но внутренне не понятой и не принятой остальными членами семьи. В общем, так или иначе, тема деда стала в семье табу, и никто не имел право его нарушать.

Как дед Борис нашел их на даче? Этот вопрос наперебой задавали деду и баба Лиза, и мама. Он был их чудесным спасением в тот самый момент, когда, казалось бы, умерла последняя надежда спастись от неминуемой жизни под немцами...

— Попрошу предъявить документы! — повторил молодой солдат в овчине и поправил для убедительности свисавший с шеи черный массивный ППП.

— Здесь документы на всех. Это мой внук Олег. В кабине еще моя жена Елизавета с дочкой и малолетней внучкой. Можете проверить. Направляемся на Казанский вокзал. Эшелон сегодня вечером на Алтай уходит. В эвакуацию.

— Стало быть, ко мне домой направляетесь! — солдат усмехнулся. — Я ж со Сросток. Алтайские мы! Клюев моя фамилия, слышите, Клюев! Если встретите кого из Сросток, скажите, что так, мол, и так, видели Василия

Клюева. Под Москвой стоят сибиряки и гнать будут немца до самого Берлина. Так и передайте, мол, здоров Василий, чего и вам желает. — Солдат поправил автомат. — Ну, доброй вам дороги! Поклон Сибири!

Здоровяк Вася прыгнул с борта, полуторка заскрипела сцеплением и тронулась дальше. Алик молча смотрел на деда, так и не решаясь спросить, почему этот солдат говорит так странно, с каким-то незнакомым выговором, вроде по-русски, да не по-московски.

Полуторка еще несколько раз останавливалась для проверки документов, прежде чем приехать на Казанский вокзал. Алик выпрыгнул из кузова первый, подбежал к кабине, открыл дверь и помог маме со спящей сестренкой на руках спуститься на землю. Оставив бабу Лизу в кабине, вновь забрался через борт в кузов и стал помогать деду сбрасывать на тележку татарина-носильщика немногочисленный домашний скарб, распахнутый по узлам и чемоданам, а потом и мешки с картошкой — главный провиант эвакуирующихся на Алтай сотрудников Новочеркасского мелиоративного института.

— Картошку снизу ложить! — подсказывал татарин деду.

— Ты давай толкай к эшелону, профессор! — ответил ему дед и быстрым шагом повел бабушку и маму с сестренкой к поезду. Алик немного подотстал, рассматривая, как прибывшие на перрон статные солдаты-сибиряки в овчинных тулупах, точь-в-точь похожие на нашего недавнего знакомого Васю Клюева, снимали с платформы своей теплушки пулеметы “максим”, надевали их на выкрашенные в белый цвет тяжелые станки и катили к соседней платформе. Лица солдат были сосредоточенны, но, в отличие от столичных ополченцев, сибиряки излучали не обреченность на подвиг и неминуемую смерть, а тихую удаль и даже легкую браваду, какая обычно бывает у деловито собирающихся на охоту профессиональных егерей.

— Алик! — Фигура деда возвышалась над всем кишачим людьми перроном. — Алик, ты где?

Парень схватил два тюка, не поместившиеся на тележке татарина, и, продираясь сквозь овчинные тулупы, поспешил к вагону.

Женщины уже были внутри плацкарта. Мама укладывала маленькую Таню на верхней полке, то и дело прикасаясь к ее горящему лбу. Наталью Борисовну волновало состояние дочки.

— Неужто простыла в дороге! Вот уж совсем некстати, — сетовала она. Баба Лиза при этом что-то недовольно бурчала пожилому интенданту в длиннополой шинели — ее чемоданам и узлам не хватало места на верхних стеллажах, а не менее ее вредный старик не собирался уступать ей место.

По гудящему ульем коридору прошел вооруженный патруль. Офицер и два солдата безучастно осмотрели собиравшихся в дальний путь гражданских пассажиров, не останавливаясь, продвинулись в тамбур и исчезли в дверях соседнего вагона.

Только сейчас Алик заметил, что деда Бориса в вагоне нет. Алик увидел его стоящим на перроне и что-то живо объясняющим проводнику. Будто поймав на себе взгляд, дед позвал Алика рукой.

— Дед, тебя мама зовет! — Алик свесился с подножки, ухватившись за дверной поручень.

— Олег, я с вами не еду. Мне нужно здесь еще кое-что сделать. Скажи Наташе, что в свертке, который я ей передал, — деньги. На первое время хватит, а там я еще пришло или сам привезу. Доедете с институтом до Бийска, там вас встретят и разместят. Берегите себя! — Дед развернулся и быстрым строевым, размашистым шагом направился к зданию вокзала.

— Дед! — Алик закричал. Он знал, что дед не может не слышать его пронзительного крика, но старый офицер даже не обернулся. Вскоре его могучая фигура скрылась из виду.

— Посторонись, давай поднимайся и иди к своим, — проводник подтолкнул Алика вглубь вагона и с грохотом захлопнул за собой дверь. Стук колес усиливался, напрягая в свежей памяти Алика последние мгновения расставания с дедом Борисом, который так чудесно вдруг появился в пацанской его жизни и так же вдруг таинственно исчез.

АЛТАЙ. ЭВАКУАЦИЯ

До Бийска маленькую Таню довели полуживой. Как ни странно, но встречавшие семью Алика по поручению его деда сотрудники местной администрации уже были в курсе ее заболевания. Врач ждал их тут же на вокзале. Здесь же и произвели первый медицинский осмотр заболевшей в Москве девочки.

Врач вынес Таню, туго завернутую в одеяло, на руках и передал севшей спереди матери. Сам Алик и баба Лиза разместились в “эмке” сзади, завалив себя поклажей. Таня не переставала плакать. Она даже не плакала, а как-то по-щенячьи скулила, обессилив от дороги и болезни.

Легковушка ехала по заснеженной, обожженной солнцем дороге. На мосту через Бию навстречу ей шла колонна военных грузовиков. Ручьи сибирского ополчения сливались в мощный поток русской армии. Она стягивалась в Бийск, Барнаул, во все города бескрайней матушки Сибири, чтобы добраться до Москвы и всей своей мощью остановить натиск германцев.

Алик смотрел на это нескончаемое движение техники, людей, на этот стальной порыв разозленной врагом огромной страны, решившей во что бы то ни стало отстоять свою столицу. Там, в его родной Москве, остался дед Борис, и Алик дышал на запотевшее стекло “эмки”, не переставая думать о нем: “Почему он не поехал с нами? Почему вышел из вагона, как только увидел армейский патруль? От кого дед скрывается и есть ли ему чего опасаться?”

Наконец, машина остановилась у большого двухэтажного бревенчатого дома, стоящего на окраине заснеженного степного поселка.

— Приехали. Здесь будете жить. Где здесь что, позже расскажу, — сказал сопровождающий, — подождите пока в машине, я скажу, чтоб вас встретили.

Затихшая было Таня проснулась и снова жалобно застонала. Парадная распахнулась, и в проеме показалась закутанная в шаль невысокая женщина. Она подбежала к машине и открыла переднюю пассажирскую дверь, помогая Наталье Борисовне выбраться с ребенком на руках. Укрываясь от ветра, они вместе вбежали в дом. За ними, прихватив какой-то узел, последовала баба Лиза.

Алик с сопровождающим выгрузил вещи из машины и перетаскал их в несколько ходок на второй этаж — в большую комнату коммуналки с натянутой посреди нее занавеской. Женщина в шали откуда-то принесла раскладушку и поставила ее у топчана.

— Вот, здесь будешь спать. Как звать-то?

— Олег. Скажите, а школа здесь есть?

— В Усть-Катуни нет, но в январе откроются классы в Лесном. Там, говорят, учителя из эвакуированных выйдут преподавать. Так что мы всех детишек — своих и приезжих — там собираем. Только туда ходить придется. Отсюда — несколько верст. Да ты справишься! Меня зовут тётя Сима, а для взрослых я — Серафима Михайловна. Будем знакомы, да, Олег?

— Да, Серафима Михайловна!

— Иди воды принеси. Твоя сестра плохая совсем. Еле довели. Сейчас будем выхаживать. Фельдшер скоро придет.

— А вы моего деда Бориса знаете?

— Нет, не знаю, но нам из Бийска звонили, просили помочь вам, принять. Видать, ты, Олег, важная птица? Просто так ведь звонить не будут.

— Это, наверное, потому, что отец в Ленинграде на крейсере служит.

— Да сейчас вся страна, поди, на крейсере служит. У меня вон и муж, и сын на фронте. Дай Бог, пронесет.

Женщина погладила Алика по голове, резко отвернулась и сразу переключилась на разговор с Натальей Борисовной, которая ворковала у топчана с маленькой дочкой.

В коридоре Алик чуть ли не столкнулся с вызванным фельдшером. Как и подобает человеку его профессии, он был одет в белый халат поверх темного пальто, в шляпе-пирожке и с очками, неведомым образом державшимися на самом кончике носа.

— Так, здарсьте, кто тут у нас разболелся? Ах, вот она, эта девочка!

Фельдшер выглянул в коридор и, увидев застывшего Алика, спросил уже совершенно иным, смертельно уставшим голосом:

— Где тут у вас можно помыть руки?

— Там, на кухне. Я мигом!

Алик вбежал на кухню, схватил самое чистое ведро, явно предназначавшееся для питьевой воды, и, пронесшись по коридору и лестнице, выбежал на улицу.

— Где здесь можно воды набрать? — спросил он у случайного прохожего.

— В поле. Вон снега набери.

— Колонка справа за углом! — услышал Алик из подъезда голос тёти Симы.

— Вот, мамаша, таблетки я вам выпишу, но за ними надо в город ехать. Так, полагаю, лечение должно быть консервативное. Мед наш алтайский помогает. Он на горных травах. Молоко найдёте, с медом его давайте, но раздельно. Что еще? Горчичники. Я вам дам на первое время. Знаете, как их применять? Хорошо. Буду к вам заходить. Выздоровливайте! Серафима подскажет вам, где получить продовольственные карточки, но паек там скудный. Если есть возможность, устройтесь на работу, пока не поздно. Здесь приезжих день ото дня всё больше. А хорошей работы, для женщин сносной, всё меньше. Мать у вас вон крепкая, кстати, как вас зовут?

— Наталья.

— У меня брат работает на Бийской махорочной фабрике. Табак солдату известно как нужен. Если нет аллергии на махорку, идите лучше туда. На оборонных заводах труд тяжкий. Если хотите, я с братом поговорю. Вам, женщины, средства нужны, иначе вы детей не поднимете. Вон, парень у вас растёт, ему сейчас витамины есть надо. Лицо у него запаршивило. Чтоб кожа на лице потом рябой не стала, ему овощей надо побольше. Слышите? Ну а девочка... Слабенькая она. Будем надеяться.

Фельдшер встал, упаковал свой саквояжик и направился к выходу.

— Ой, мам, сердце у меня за Танечку болит. Чует недоброе оно. Не поможет нам мед-то.

— Подожди. Не плачь, дочка. Я сейчас с Серафимой Михайловной поговорю.

Баба Лиза нашла тётю Симу говорящей на кухне с соседкой. Женщины познакомились и о чем-то вполголоса поговорили.

— Наташа, соседка наша говорит, что здесь в поселке знахарка живет. С репутацией. Говорит, и не таких, мол, выхаживала.

— Мама, это не поможет...

— Послушай, хуже не будет. Я знаю, как ты к этому всему относишься, но надо испытать. Я сейчас схожу к ней, обо всем договорюсь.

Баба Лиза, даже не пытаясь выслушать возражения дочери, выскочила из комнаты и в сопровождении еще не знакомой Алику женщины-соседки вышла на улицу.

Через час они вернулись втроём. Соседка осталась ждать решения в коридоре, а знахарка — полная женщина лет 50 с грубым крестьянским лицом — уверенно разделась, скинула валенки, ни с кем не здороваясь, подошла к столу, разложила на нем церковные свечи и какие-то пакетики с пахучими порошками. Потом подошла к топчану, беспардонно, но не грубо, по-семейному, отодвинула от большой девочки Наталью Борисовну и стала осматривать лицо, волосы, а затем и тело горячей от высокой температуры Танечки.

— А ты — выйди вон. За дверью подождешь. И ты ступай, — сказала она властно бабе Лизе. — Пусть одна только мать останется! Слышь, парень, набери таз горячей воды и занеси сюда. Давай мигом!

Бабушка покорно поплелась на кухню. Там о чем-то шептались тётя Сима и соседка, которую звали Мариной. Эта Марина оказалась молодой девушкой лет 24–25, муж которой, как стало ясно из их разговора, всего пару дней как добровольцем ушел на фронт. Баба Лиза присела на табурет и присоединилась к женскому разговору.

Алик взял в коридоре облупленный медный таз, слил в него воды из стоявшего у плиты ведра и чиркнул спичками. Вода нагревалась медленно. Подросток то и дело совал палец в жидкость, торопя температуру, но таз набирал тепло нехотя. Под приглушенное женское воркование Алик сел на корточки и, прижавшись спиной к теплой чугунной батарее, сомкнул веки.

Из коридора и их комнаты не доносилось ни звука. Женщины на кухне иногда замолкали, прерывая свой разговор и вслушиваясь в тишину дома.

Наконец вода закишела. Алик, обмотав руки тряпками, понес таз в комнату:

— Я воды принес! Мам, открой дверь!

— Что ты орешь! Девка только заснула! — шикнула на него знахарка. — Ставь здесь и принеси простой воды, я сама разбавлю как надо. Живо давай!

Алик принес ведро. Знахарка перехватила его прямо в коридоре, строго посмотрела на мальчика и захлопнула перед ним дверь. В комнате жалобно заплакала маленькая Таня. Алик вернулся к женщинам на кухне, с минуту без дела потерся среди них, вышел в коридор, набросил пальто и выбежал на улицу.

Сухой ледяной ветер обжигал щеки. Алик обошел дом, то и дело проваливаясь валенками в сугробы. Вдруг дверь подъезда распахнулась, и на пороге показалась Наталья Борисовна. Ее волосы были растрепаны, платок съехал на плечи. В руках она держала медный таз. Стараясь не расплескать содержимое, она быстрыми семенящими шажками побежала к перекрестку. Алик заметил, как мама выплеснула воду на дорогу, бросила таз на снег, перекрестилась и повернула к дому.

— Мам, ты таз забыла!

В ответ на крик сына Наталья Борисовна лишь слегка махнула рукой и, даже не взглянув на подростка, вбежала в подъезд.

— Мам, — Алик с досады пнул кусок льда и, думая, чем бы заполнить время ожидания, решил еще раз обойти дом, а может, заодно еще и соседский дом посмотреть. Туман уже не был таким плотным, и поселок постепенно приобретал свои очертания.

— Алик, срочно сюда! Маме плохо! — Алик рванул на бабушкин крик в подъезд, влетел в комнату и увидел Наталью Борисовну лежавшей на полу. Женщины сгрудились над ней, баба Лиза громко причитала. Мальчик заметил, что мама пытается открыть глаза, но не может — глазные яблоки будто бы повывлезали наружу, по вискам сочилась кровь.

— Я ж тебе говорила, мать! Выплесни воду влево, перекрестись, но не смотри в ту сторону! А ты, небось, смотрела! — знахарка наклонилась над лицом матери и с укоризной продолжала:

— Ты не только взглянула туда, но ты и веру мою, слова мои близко не приняла. Ты думаешь, я шучу с вами? Да? Думаешь, просто так говорю, просто так хлопочу?

Знахарка обернулась и строго посмотрела на перепутанных женщин:

— А ну-ка вон из комнаты!

В голосе ее чувствовалась такая сила, такая агрессия, что даже баба Лиза, решившая было перейти в контратаку, тут же подчинилась приказу. На Алика знахарка внимания не обращала. Женщина обошла дрожавшую на полу Наталью Борисовну, села на колени и положила свои сухие ладони на ее больные окровавленные глаза:

— Зайдет месяц, зайдет солнце, выйдет утро из оконца! Наташа, лежи. Молчи. Пройдут твои глазки, и девочка твоя поправится, и войну переживете, и долго жить будете. Но если я что говорю тебе, так ты слушай!

Тем временем Наталья Борисовна, видимо, почувствовала некоторое облегчение. Она чуть заметно кивнула. Знахарка сняла ладони с ее глаз. Они еще оставались красными и припухшими, но на них не было ни крови, ни той страшной опухоли, что так всполошила весь дом.

Кряхтя, знахарка поднялась с колен, затушила свечи и, собрав пакетики со стола, вышла в коридор. Алик бросился к маме. Он обнимал ее, целовал. Слезы лились рекой — и это к великому стыду мальчишки, желавшего, чтобы в семье к нему относились как к мужчине.

Наталья Борисовна прижала Алика к груди и тихо попросила:

— Как там Танечка, посмотри! У меня пока туман перед глазами.

— Мам, она спит. Сейчас лоб потрогаю... Жара нет. Тихо спит, дышит.

— Ну, дай-то Бог. Буду Господа просить о милости и снисхождении. Деточки мои, живите долго!

Алик снова прижался к маме. Она целовала ему голову, порывами крепко-крепко сжимая его в объятиях...

* * *

...Олег Константинович открыл глаза. Госпиталь спал.

“Где я? А... В больнице. Боже, как мне не по себе. Эти воспоминания... Как будто провалился куда... Вырубился. Сколько сейчас времени? Что сейчас? Утро следующего дня? Или я проспал того больше? Где Тома?”

— Тома! — генералу показалось, что его крик услышат даже дежурившие по этажу медсестры, но крика на самом деле не было. Слипшиеся губы еле шевелились, издавая лишь невнятный шепот.

Голова неистово кружилась. Туман вновь опустился на глаза, и генерал под его тяжестью сомкнул веки и снова упал в свое прошлое...

* * *

...Алику казалось, что он всё рассчитал верно. Припасов должно было хватить дня на три, водой всегда можно разжиться по дороге, ну а добравшись до Смоленска подросток решил на попутке.

Решение сбежать на фронт пришло к нему еще во время, казалось, вечной эвакуации на Алтае. Алик рвался бить фрицев. Он физически ненавидел врага, день ото дня, слушая установленную на кухне радиоточку, мечтал стать красноармейцем.

Алику казалось, что он хорошо себе представляет обстановку на фронте. Соседка Марина довольно часто получала письма от своего мужа, и всякий раз, раскрыв солдатский “треугольник”, зачитывала его содержание женщинам. По такому важному случаю они мигом собирались за крепким чаем на кухне.

В своих нехитрых письмах Маринин муж рассказывал о боях и быте войны. Повествование его было лаконичным и иногда прерывалось чувственными пассажами, обращенными к молодой и недолюбленной жене. В этих местах Марина останавливала чтение вслух. Женщины, чувствуя момент, вставали со своих мест и рассказывали по кухне и коридору кто куда, дожидаясь, пока полные слез глаза Марины перечитают по несколько раз мужнины откровения. Всхлипывания солдатки скоро совсем затихали, Марина вновь звала соседок к себе, и они в мгновение, как стайка потревоженных птиц, вновь слетались к насиженным табуреткам и кружкам с еще не остывшим чаем. Сложив письмо в “солдатский треугольник”, Марина шумно вздыхала и вопросительно смотрела на бабу Лизу.

— Вот война закончится, вернется твой гусар, и наделаете с ним детей целый лицей!

Баба Лиза охотно поддерживала девушку, тоскующую по мужу, и будто бы читала ее мысли. Алика же в этих письмах больше всего интересовали подробности войны. Мама от отца, оставшегося в Кронштадте до окончательного снятия блокады Ленинграда, письма получала крайне редко, а те, что всё-таки доходили, читала быстро, одним глотком, потом спешно прятала в пачку, перевязывая ее тугой бечевкой. Соседки сперва удивлялись такой скрытности Натальи Борисовны, но вопросы задавать стеснялись.

Алик просто мечтал сбежать на фронт. По ночам, уткнувшись в подушку, он представлял, как поднимается в атаку, как в рукопашном бою сбивает с ног и опрокидывает фашиста, добывая поверженного врага прикладом и штыком. Как на танке врывается в освобожденный город, и рядом с ним

на броне сидит здоровенный сибирский парень — муж Марины, который тут же — в разгар боя — пишет своей молодой жене весточку с войны.

Алик хотел непременно попасть в Смоленск. Дед Борис не раз рассказывал, что для семьи этот город — родной. Что когда-то, до революции, там у них было свое имение, а прапрадед Алика — Николай Сорокин — был на Смоленщине самым что ни на есть первым богачом — купцом первой гильдии, да и потомственным почетным гражданином Российской империи (состоявшим, между прочим, в родстве с великим композитором Михаилом Ивановичем Глинкой, чем родители Алика всегда очень гордились).

Сколько раз Смоленск, как часовой на западных русских воротах, останавливал у своих древних стен агрессивных западных “цивилизаторов”, сколько раз своей героической обороной связывал их дальнейшее продвижение в глубь страны! Теперь же Красной Армии надлежало выбить врага, засевавшего за его укреплениями, и погнать немца дальше за Днепр.

Алик мечтал участвовать в этой битве. Ничего не говоря ни маме, ни бабушке Лизе, 14-летний парень просто сбежал из дома, прихватив с собой немного съестного в дорогу. Остановив попутку, он ехал во фронтовой Смоленск, стараясь успеть к развязке.

Вся дорога с обеих сторон была завалена побитой бронетехникой, в основном немецкой. Поначалу Алик рассматривал искореженные немецкие танки и остовы сгоревших грузовиков с нескрываемым мальчишеским интересом, но спустя некоторое время эта гора крупшовского металлолома притупила взгляд и уже не вызывала удивление, став чем-то обыденным, чуть ли не частью августовского пейзажа.

Вскоре движение автоколонн замедлилось. К Смоленску стягивались наши танки и артиллерия, машины с военным грузом были вынуждены пропускать их вперед. Волнение Алика заметно усилилось, уже была слышна канонада, бои шли у стен города, но успеет ли он добраться до воинской части, чтоб примкнуть к наступающим силам и на первом танке ворваться в Смоленск?

В грохочущей мимо танковой колонне показался американский грузовик с крытым прицепом с гербом ВМФ на борту. На минуту колонна остановилась, девушка-регулировщик подбежала к кабине “студебеккера”, сжав флажки в правой руке, левой стала что-то показывать, видимо, дорогу в объезд. Алик воспользовался коротким замешательством, выпрыгнул из своего грузовичка, подлетел к “американцу” и, просунув в щель брезента рюкзак, перевалялся через борт и оказался внутри накуренного кузова. Несколько краснофлотцев уставились на невесть откуда свалившегося парня.

— Здравсьте, товарищи моряки! — бодро поприветствовал Алик хозяев фургона. Его глаза постепенно привыкали к темноте. Алик невозмутимо положил рюкзак меж двух матросов, сел на него, поджав ноги, и стал внимательно рассматривать компанию, в которую он так вероломно ввалился. Он понимал, что дай он сейчас слабину — и его тут же высадят за борт. Потому и старался вести себя нарочито по-свойски. Ему нужно было позарез попасть в Смоленск на войну, и “студебеккер” с эмблемой ВМФ был тем самым шансом осуществить эту мечту.

— Ты кто, парень? — молодой щуплый на вид офицер протер очки, чтобы получше рассмотреть нежданного гостя.

— Я Олег. Еду на фронт бить фашистов. Товарищи краснофлотцы, возьмите меня с собой!

— Боцман, тебе нужен такой бойкий помощник?

— Пригодится, товарищ капитан!

— Тогда оформите на довольствие. Повезло тебе, парень, нам сейчас лишние руки нужны. У тебя родители есть?

— Отец в Ленинграде на линкоре “Марат” служит, мама в Москве с сестрой осталась. Но она не против!

— Ладно. Боцман, разгрузка у крепости, я на карте тебе показывал. Проверьте оборудование и немедленно размещайтесь. В 19.00 у меня в штабе совещание. Доложите мне обстановку к 18.30. Всё, товарищи, до вечера! — капитан распахнул брезент и исчез в солнечном проёме. Через мгновение “студебеккер” дернулся вперед.

— А кто этот офицер?

— Капитан Лейбович, салага! Наш командир. На, поешь! — боцман вскрыл ножом банку тушенки и протянул ее Алику.

— Жуй и запойна. С сегодняшнего дня ты, считай, зачислен юнгой 9-го Экспедиционного аварийно-спасательного отряда. Наша боевая задача — силами отряда обеспечить форсирование реки Днепр наступающими на город Смоленск войсками. Усёк?

— Так точно! Усёк!

Матросы-водолазы дружно заржали...

...К обеду все одиннадцать автомобилей 9-го ЭПРОН-отряда, бойцом которого так неожиданно для себя стал Алик, пробившись по отчаянному бездорожью, забитому танками, артиллерийскими орудиями, обозами и санитарными транспортом, прибыли в район боевого предназначения. Развернувшись под крутым берегом, краснофлотцы немедленно приступили к подготовке переправы войск.

Немцы бомбили нещадно. “Юнкерсы” с пронзительным свистом пикировали на работавших в воде матросов аварийно-спасательного отряда, пытавшихся восстановить понтонный мост. Все остальные каменные мосты через Днепр были взорваны под носом у гитлеровцев комендантом оборонявшего Смоленск гарнизона еще в июле 41-го. Немцы за два года оккупации города так и не смогли восстановить ни один из мостов и пользовались временной переправой.

Алик подсел к водолазам, помогая им распаковать оборудование. Вой самолетных двигателей заставлял его то и дело поднимать голову и наблюдать за непрекращающимся воздушным боем. “Мессеры” прикрывали свои бомбардировщики от наседавших советских истребителей. “МиГи”, “Яки” и “ласточины” рассеивали волну за волной подлетающих асов люфтваффе, не давая им сбросить смертоносный груз на понтонщиков и переправляемую на плотках нашу боевую технику.

Алик видел, как один из советских истребителей буквально прошил пулеметной очередью брюхо “юнкерса”, и “бубновый”, вспыхнув и свалившись в короткий штопор, рухнул на городские руины. В восторге юнга вскочил и закричал “Ура!”, но крика своего не услышал. Пара бомб легла так близко к берегу, что горячая волна от взрывов, будто порыв сильного южного ветра, толкнула Алика в спину. Не удержав равновесия, юнга упал на колени, тут же вскочил, отряхнулся и взглянул на невозмутимо собирающих оборудование краснофлотцев.

Нет, конфуз Алика они не видели, слишком были поглощены своей работой. Юнге оттого стало даже как-то весело. И тут он вдруг почувствовал небывалый душевный подъем. Ведь это он, Алик, сейчас на передовой, ведь это он ведет свой бой, мстя фашистам здесь — в Смоленске — за своих старших, не вернувшихся с войны товарищей по двору на Смоленской площади...

После освобождения Смоленска 9-й Экспедиционный подводный отряд особого назначения совместно с саперами восстанавливал разрушенные мосты, переправы, расчищал завалы. Огромные массы войск находились в движении, пополняли запасы, эвакуировали раненых, вводили в действие резервы. Отряд под руководством капитана Элиазара Лейбовича обязан был обеспечить перемещение этих огромных масс людей, грузов и техники через Днепр.

Немецкая авиация была еще достаточно сильна и систематически разрушала мосты и переправы. Снова и снова уходили под воду водолазы, поднимали технику, расчищали фарватеры, искали и уничтожали мины и фугасы, закладывали под опоры железобетонные блоки, искали и поднимали оружие.

За время своей трехмесячной службы Алик заработал в отряде непререкаемый авторитет. Парень оказался смелым, храбрым и исполнительным юнгой. Он был готов четко выполнить любой боевой приказ, но и не чурался тяжелой и грязной работы, которой на войне всегда хватает. Фронт уходил все дальше на запад. Положение вокруг Смоленска стабилизировалось, и ЭПРОН-отряд готовился к переброске на Западную Двину в район города Велиж.

— Салага, тебя командир зовет! — окрик боцмана оторвал Алика от увлекательного занятия. Водолазы, осматривавшие основания взорванного при наступлении немцев виадука, подняли со дна маузер, потерянный, судя по всему, еще в Гражданскую. Юнга старательно отгирал легендарный пистолет от ржавчины, пытаясь установить его серийный номер. Перемотав маузер ветошью и аккуратно отложив находку в сторону, Алик выбрался из блиндажа и направился к каменному гроту в крепостной стене, где размещался штаб отряда во главе с капитаном Лейбовичем.

— Юнга, доставишь этот пакет в штаб Днепровской флотилии. Вручишь дежурному офицеру. Представишься по форме. Запишешь звание и имя того, кому пакет передашь. Понял?

— Так точно, товарищ капитан!

— Да, и сразу возвращайся. Завтра в 7 утра сворачиваемся.

— Есть! — Алик схватил письмо, вылез из командирского грота, развернул подрезанную ему под рост солдатскую плащ-накидку и быстрым шагом направился в центр разрушенного города.

Штаб флотилии размещался в чудом уцелевшем здании бывшей городской гимназии. Алик хорошо знал к нему дорогу, не раз доставлял туда донесения своего командира. После отступления немцев в город стали возвращаться его мирные жители, точнее, не в город, а в то, что от него осталось. Города не было.

Алик пересек территорию Успенского собора, миновал несколько засыпанных битым кирпичом переулков и подошел к зданию штаба. Привычная вывеска на дверях куда-то исчезла. Юнга дернул ручку на себя, но дверь оказалась заперта. Странно.

Алик обошел здание со двора. Двери черного хода были распахнуты. Во дворе напротив подъезда стояло несколько крытых грузовиков с красным крестом на брезенте. У самого входа расположилась группа пожилых солдат-санитаров. Они курили и вполголоса о чем-то беседовали.

Поздоровавшись, Алик на мгновение замешкался, решив спросить санитаров, куда съехал штаб флотилии, потом решил этого не делать, и вошел в подъезд. Где-то в самом конце темного коридора были слышны голоса. Юнга направился в их сторону.

С правой стороны показался проём в стене, задернутый белыми простынями. Алик отдернул одну из них и чуть не потерял сознание от душливого сладковатого трупного запаха. Большой зал был завален телами умерших от ран красноармейцев, видимо, не перенесших тяжелый путь с фронта в смоленский госпиталь.

В глазах помутилось, горячая горькая рвота подошла к горлу. Закрыв рот рукой, Алик побежал по коридору. Добежав до противоположного конца, он уткнулся в какие-то разобранные металлические кровати, бросился на пол, прижался к лежащей на боку “буржуйке” и горько-горько заплакал.

Смерть! Какая ты страшная! Война, будь ты трижды проклята! Алик рыдал, стесняясь самого себя, но не в силах совладать с порывом своей мальчишеской души. Ему было жалко этих молодых солдат, жалко всех, кто страдал от этой грубой, безжалостной войны. Он вспомнил, как на третий день своей службы в Смоленске в городских завалах нашел убитую молодую женщину с мертвым ребенком, зажатым в окаменевших руках. Тогда он не успел испугаться, шел бы, но сейчас...

Постепенно он пришел в себя. Встал, подобрал с пола плащ-накидку и вышел из здания. Один из санитаров объяснил ему, что сюда эвакуирован госпиталь, а штаб флотилии переехал на базу-пароход, где также будет размещен и речной госпиталь, и, мол, еще вчера вечером матросы выносили и увозили на грузовиках какие-то столы и ящики с бумагами.

Алик поблагодарил информированного солдата и направился к базе бронекатеров, где, как он предполагал, и может стоять штабный пароход. Его все еще тошнило. Ужасно хотелось пить. Юнга спустился к берегу Днепра. Да, он прав. Нос базы-парохода торчал метрах в трехстах ниже по течению реки, там, где ее русло делало поворот. Пить! Алик сапогами зашел в воду, отстегнул флягу и наполнил ее днепровской водой. Ему так хотелось пить,

что, забыв многочисленные предупреждения сослуживцев, он жадными глотками выпил сразу полфляжки. Вода пахла дизельным топливом и еще чем-то химическим, что подросток разобрать не смог. Утолив жажду, Алик направился с пакетом в штаб.

Тем же вечером его, скрюченного от боли, с признаками тяжелой дизентерии, первой же машиной срочно отправили в московскую инфекционную больницу. Алик дорогу домой не помнил, всё время был в полузабытьи, но понял сразу, что эта фляжка с днепровской водой закончила войну для юнги 9-го ЭПРОН-отряда Днепровской флотилии.

— Алик! Алик! Ты слышишь меня? Олечка, ты спишь? Воды дать? — мать склонилась над отцом, пытаясь понять, дышит он или нет.

Олег Константинович слышал ее голос так, будто бы она звала его по телефону. Он чувствовал теплое дыхание жены, оставшейся с ним до самого последнего момента его жизни.

“Тома, Тома, сколько ж прожили мы с тобой на этой земле? Детей родили, подняли их на ноги. Внуки, правнуки теперь. Как же ты одна без меня будешь? А как я? Куда уйду? Вон иконку на тумбу поставили. Есть ли Бог на свете? Не знаю. Всю жизнь был уверен, что Бога нет, а сейчас не знаю. Есть, наверное. Должен быть. Всё равно умирать не хочу. Надо держаться, держаться! Сил только нет держаться. Глаза открыть целая проблема — веки пудовые. И видения, эти воспоминания... Как в кино, только кино про меня, про жизнь мою. И смотрю это кино только я. Зачем? Может, затем, чтоб оценить, всё ли было в ней правильно, честно? Чтобы долги последние отдать? Может быть... Как тогда Черкасов в фильме сказал: “Всё остается людям”. Всё ли? Вот то, что знаю я, то, что не успел другим передать, на бумагу положить, это кому остается? Это всё во мне, это я, и завтра меня не будет. Моего мира — не будет. Ну разве это справедливо? Молодым был — смерти не боялся, верил, что вывернусь. И тогда в 43-м на фронте, и на Алтае, когда степных волков горящим стогом сена отпугивал, и в Оренбурге, в училище, когда штурмовик на брюхо сажал, и в Афганистане, когда наш самолет при посадке душманы обстреливали. Не боялся я тогда, а вот сейчас умирать страшно. Потому что шанса выжить нет. Обреченность — страшная штука. Обреченный — уже мертв. Сколько раз по службе приходилось выезжать на места авиакатастроф и всякий раз убеждаться, что выживал только тот, кто, несмотря на верную смерть, не верил ей, барахтался до конца. Вон Володя Рябий — ведь жив остался, хотя по всем правилам погибнуть был должен. В каком году это было-то? 73-м, кажется...”

* * *

Жара на летном поле была невыносимой. Ахтубинск утопал в ней в течение всего лета. В военном городке на краю аэродрома еще можно было жить. Фруктовые сады затеняли окна, дарили людям и домашним животным долгожданную прохладу. Семьи летчиков старались не выбираться из своих жилищ, и только с наступлением поздней августовской темноты испытатели выползали во двор постучать под тусклый свет уличного фонаря в домино.

Поселившиеся у самых стен военного городка студенты-стройотрядовцы после работы спасались в прудах и на речке. Утром за ними приезжали грузовики, и заспанная взъерошенная молодежь неохотно собирала себя и лопаты. Студенты зачем-то всё время возили лопаты с собой, постоянно их теряли и, глухо поругиваясь по этому поводу, уезжали на строительство новой школы на окраине Ахтубинска. Зато по вечерам было слышно, как у костра в центре их палаточного городка бренчит гитара и не очень стройные, но громкие голоса москвичей выводят рулады, то и дело прерываясь спорами по поводу вечно забываемых текстов песен.

— К самолету даже страшно прикоснуться, товарищ генерал. Нагрелся так, что яичницу на крыльях можно жарить!

— Могу себе представить! Вот видишь, Владимир Кириллович, в чем преимущество деревянных фюзеляжей аэропланов. Они так не нагревались. Потому царским летчикам приходилось обедать в дорожных ресторанах.

Заслуженный летчик-испытатель СССР Владимир Рябий оценил шутку главного военного заказчика ВВС и широко улыбнулся. Полковник в своем летном скафандре и горящем на солнце шлеме казался инопланетянином. Можно себе только представить, как ему было жарко идти в своем облачении по раскаленному бетону, преодолевая пару сотен метров от командного пункта до красавца-самолета, чей силуэт из-за стоявшего над полем пекла буквально плыл и растекался перед глазами.

В сопровождении генерала и группы старших офицеров-военпредов полковник Рябий подошел к авиатехникам, закончившим последние приготовления МиГ-21 бис к первому испытательному полету.

— Ну, давай, Володя! Ни пуха ни пера!

— К чёрту, Олег Константинович! — Испытатель, поднявшись по металлической лесенке, забрался в кабину, пристегнул ремни и с помощью техника задвинул фонарь. Генерал и офицеры сели в подъехавший автобус и направились на КП. Истребитель, покорно подчиняясь опытному летчику, включил свой двигатель и начал рулёжку на взлетно-посадочную полосу.

Разрешение на взлет получено, и вот новый “МиГ” врубает тягу. Истребитель срывается с места и вдавликает летчика в кресло. Короткий разбег, и невидимые пружинистые ноги устремляют боевую машину в небо. Еще пара секунд и вдруг... глухой удар. Турбина двигателя захлебнулась крупной птицей и заглохла. Самолет еще пролетел по инерции несколько десятков метров, завис и плашмя стал падать на военный городок.

“Катапультироваться! Еще можно успеть! Высота метров восемьдесят, парашют сможет раскрыться. Куда ж я прыгать буду? Машина падает на дома. Отвернуть! Уйти в сторону! — мысль испытателя шла мозг. — Надо нос машины опустить, в рулях тяги нет, надо скорость хоть какую набрать!”

Летчик мгновенно принимает единственно верное решение. Полковник отжимает ручку управления камнем падающего самолета. Погибающая машина повинуется пилоту и начинает скольжение вниз.

Еще, еще! Ну же! Пора! — Рябий резко берет ручкой вправо и выпрямляет траекторию падения истребителя. Военный городок и лагерь стройотрядовцев остаются позади. Впереди — сухая степь, земля — пыль да камень. Летчик дергает ручку катапульты...

На что он надеялся? Нет, он знал, конечно, что на такой высоте его парашют уже не раскроется. Но он боролся, он цеплялся за жизнь. Он спас многих и теперь пытался спасти себя.

...На секунду от мощной перегрузки пилот теряет сознание. Катапульта, выбив фонарь, выносит кресло с намертво привязанным к нему летчиком вон из самолета.

Земля! Летит навстречу мне!

Парашют беспомощной тряпкой свистит сзади. Всё ближе, ближе земля!

Рябий закрыл глаза. Он понял, что он их больше никогда не откроет.

Всё!

То, что произошло через мгновение, все испытатели сочли настоящим чудом. В тот самый момент, когда твердая как асфальт степь должна была размазать летящее к ней тело пилота и разорвать на части его кресло, взорвался упавший на землю подбитый птицей истребитель, и взрывная волна подбросила кресло летчика, будто подложив под него воздушную подушку. Удар о землю был жестким, хотя кресло пилота и взяло на себя основную его тяжесть. Прокопав в степи пятиметровую траншею глубиной в полметра, оно наконец остановилось.

Какое время он был без сознания? Полковник не мог это вспомнить. Минута, а может, и полчаса? Скорее всего, минута. Открыв глаза и представляя, что он уже на том свете, пилот бесстрастно наблюдал за пожаром на месте упавшего самолета. И лишь когда вспыхнул шелк его парашюта, летчик инстинктивно дернулся в сторону и... почувствовал боль, острую боль в позвоночнике.

Боль! Так что же? Значит, я жив!

Отстегнувшись от кресла, полковник, преодолевая боль, отполз на безопасное расстояние от растекающегося по сухой степи пламени и, обнаружив какую-то канавку, сполз в нее и затих, вновь потеряв сознание.

В этой канавке пилота почти случайно и нашли, глазам своим не веря, что жив остался. Его, собственно говоря, никто и не искал, поскольку выжить в такой ситуации было просто невозможно.

Когда его на носилках внесли в спасательный вертолет, генерал сказал, что полетит до госпиталя вместе с раненым летчиком. Они так и летели вместе. Олег Константинович держал руку пилота в своей руке и что-то говорил, подбадривал, улыбаясь. Хотя, что говорил, слышно не было. Шумно было. Но полковнику Рябию казалось, что они с генералом друг друга прекрасно понимают.

ПРУССИЯ

Судьба — вещь забавная и шутница отменная. Когда в мае 2002 года, за два месяца до назначения меня в Калининградскую область, я впервые прилетел в этот российский анклав на Балтике, то почувствовал себя как-то странно — будто бы бывал я здесь не раз. Всё вокруг казалось мне до боли знакомым и давно уже мною обжитым. Сосны на Куршской косе, тяжелый донный песок на отмели холодного моря, высокие юбочки облаков, изящно соединенных воздушным танцем Лебединого озера, — всё это моё, родное. Только чиновный народ какой-то ненастоящий, пришлый и особо эту землю не берегущий. А вот я чувствовал себя в Калининградской области в полной душевной гармонии. Мне здесь всё нравилось — даже тысячи пауков, облепивших окна и входную дверь коттеджа на Куршской косе, где нас расселили на время командировки. Дело в том, что зацвел залив от необычно теплой погоды, и всякие мелкие жучки-паучки на радостях приступили к тотальному размножению и колонизации прибрежных санаториев и пансионатов — несмотря на протесты моей жены и прочих туристов.

Говорят же, что существует такое понятие, как зов крови. Эта генетическая память пробивается сквозь поколения и века. Даже черепашки, рожденные в яйцах в песчаных дюнах, знают, что первым делом надо забегать в набегавшую волнами водичку. Там их среда обитания. Там их родной дом. Вот и я в Восточной Пруссии оказался вдруг дома. И вскоре я узнал почему.

В начале XIII века на исторических землях балтов и балтийских славян впервые появились немецкие крестоносцы. Католическую веру и папскую власть они насаждали в привычной для себя манере — огнем и мечом. Особую жестокость в отношении языческих племен проявил орден меченосцев. За тридцать лет своего самостоятельного существования и последующего слияния с тевтонами и ливонцами этот орден “прославился” физическим истреблением древнего балтийского племени пруссов — хозяев этой земли, давших ей свое имя.

Нашествия меченосцев, а затем и тевтонов на прусские земли сопровождалось массовыми казнями язычников и сожжением их городов и деревень. Опустошенная земля заселялась немецкими крестьянами-колонистами, а чудом выжившему или, точнее, оставленному в живых прусскому населению запрещалось вступать в брак и заводить потомство.

Естественно, с такой “лучезарной верой” и такими “методами убеждения” соглашались далеко не все пруссы — многие из них бежали в соседнюю Литву и уже оттуда продолжали бороться с захватчиками. Те, кто решил остаться, то и дело поднимали восстания против крестоносцев, которые, как правило, жестоко подавлялись.

История моего рода связана именно с этими бурными временами — моментом первого столкновения европейского востока и запада. Фамилия Миткевич имеет прусские корни, а ее родоначальниками стали три прусских князя. Спасаясь от меченосцев, они привели свои семьи и дружины в Гродно — на территорию современной Белоруссии. Должно быть, они принимали дея-

тельное участие в формировании Великого княжества Литовского — объединения славяно-литовских племен, дожившего до XVIII века и в основном вошедшего в состав Российской империи. Так, мечтая об освобождении своей родной земли от жестоких захватчиков, они дали жизнь роду, в котором практически все без исключения были воинами, умом и мечом добывавшими честь себе и славу Родине. Гербом рода Миткевич-Жолток является так называемый герб “Калинова”, который в свою очередь происходит от герба “Прус”, — с изображением занесенной к небу рыцарской руки в доспехах с обнаженным клинком, напоминающим о кровавой сече с меченосцами.

Позже, в 1568 году, король Сигизмунд Старый за “боевые подвиги” пожалует боярину Даниле Миткевичу-Жолтку земли на краю польско-литовской Речи Посполитой — в Рогачевской волости (нынешний Рогачевский район Могилевской области Белоруссии). Оказавшись на рубежах Московского царства, представители нашего древнего дворянского рода пустили корни и в Смоленской губернии.

Кстати, о происхождении второй части фамилии нашего рода — Жолток — я узнал лишь тогда, когда восстановил все эпизоды знаменитой Грюнвальдской “битвы народов” 1410 года — сражения крестоносцев-тевтонов с объединенным польско-литовско-русским войском. Сражения, решившего судьбу Европы.

КАЗАКИ И ИХ ТАКТИКА

Из одноименной книги начальника штаба Терского казачьего войска генерал-майора Вячеслава Куприяновича Миткевича-Жолтка (“Казачьи и их тактика”, издательство “Нива”, 1893, № 18):

“С размножением казачества на новых местах и усилением их численности, казаки по своей воинственной, неусидчивой натуре начинают целый ряд набегов в соседние страны. На Востоке, преимущественно, в Азии, господствовал совершенно другой тип конницы — легкая, естественная конница. Всадники, не имея тяжелого предохранительного вооружения, сидели на быстрых и выносливых лошадях и были вооружены метательным оружием — луками и стрелами, а впоследствии ружьями и пистолетами.

При столкновениях рыцарской конницы с легкой восточной победой, большей частью, оставалась на стороне этой последней, употреблявшей против рыцарей особый способ действий, возникший в Средней Азии во времена Чингисхана.

Этот гениальный варвар охоту называл “школою войны” и проводил эту идею в жизнь с неуклонною энергией. Придавая охотам огромное воспитательное значение в деле подготовки войск к бою, Чингисхан постоянно практиковал свои войска в этом отношении, так что охоты в его армии имели значение современных маневров. Выходя на охоту, монголы окружали цепью всадников какого-либо крупного зверя, например медведя, и начинали пускать в него стрелы. Если зверь бросался против части всадников, они ускакивали от него, а другие наседали, продолжая осыпать его стрелами. Когда зверь был достаточно замучен и изранен, монголы разом бросались на него с копыями, причем честь первого удара предоставлялась начальнику.

Эти охоты послужили зародышем особого способа военных действий, доставившего Чингисхану и его преемникам столько военных успехов и распространившегося по всему Востоку. Не будучи в состоянии противостоять плотному фронту тяжелой рыцарской кавалерии, восточная конница рассеивалась поодиночке, осыпая атакующих рыцарей массою стрел, и, пользуясь быстротой своих коней, она легко уклонялась от их ударов. Тяжелые рыцари на громадных конях скоро утомлялись в погоне за этим неуловимым врагом, окружавшим их со всех сторон, и сильно терпели от стрел. Когда рыцари были измучены, и многие лошади выведены из строя вследствие полученных ран, мусульмане вдруг устремлялись на врага и кончали с ним рукопашной схваткой. Кроме того, восточные народы прибегали на войне ко все-

возможного рода хитростям; они часто обращались в притворное бегство и устраивали засады.

Из этого мы видим, что монгольская конница в основу своих боевых успехов клала доведенную до высшей степени подвижность каждого всадника, подготовку атаки метательным оружием и различного рода маневры, с целью замучить и извести своего противника”.

ДЕНЬ ЖЕЛТКА

— Мой юный друг, сегодня главный день в твоей жизни! Запомни его. Все запомни: запахи, этот влажный ветер, голоса и хрип коней, запомни звон мечей и крики людей. Краски: белые плащи с черными крестами — это цвета твоего врага. Запомни их. Это твоя мишень, но и ты для них — мишень. Вспомни все, чему я тебя учил. Уклоняйся от лобовой атаки тевтонов. Твоя кольчуга не выдержит удара их копий и мечей. Будь умней своего врага, но и его цени высоко. Гордиться нужно победами над сильным врагом. Коварный враг всегда занижает свою мощь, хочет казаться слабее, чем есть на самом деле. В сегодняшней схватке победит тот, кто уважал своего врага и не стеснялся учиться у него. Запомни это. И последнее, что хочу тебе сказать: если ты попадешься крестоносцам, то знай: шанса выжить у тебя нет. Лучше достойно принять смерть на поле боя, чем стать посмешищем. Это самое страшное. Ты можешь быть звонким или тишайшим, лютым зверем или добрым самаритянином, но нельзя быть смешным. Тевтоны — враги твоего рода. Двести лет твои предки были вынуждены жить вдали от своей родины только потому, что меченосцы отобрали у тебя и твоих предков твою родину. Они отравили твоего отца. Но теперь тебе выпал шанс отомстить им! Готов ли ты к этому?

— Да, мой князь! — Степан Миткевич старался не выдавать наставнику своего волнения, но на сей раз ему это плохо удавалось. Казалось, он весь пылал. О, если б видел его отец, в какого красавца-витязя превратился его мальчик, как ладен он в седле боевого коня, как горят его глаза, распаленные страстью скорой сечи, как крепко сжимает рука топорище до звона заточенного клебца.

Великий князь Литовский внимательно смотрел на своего ученика. Этого молодого рыцаря, выросшего в родовом гродненском замке вместе с его единственной дочерью Софьей, Витовт любил как родного сына. И теперь он готовил его, наверное, к самому важному заданию, от выполнения которого зависел исход всей битвы с крестоносцами.

— Тевтоны своим высокомерием давно заслужили смерти, и сегодня она встретит их на этом поле. Но сначала дадим им хорошенько пожариться на июльском солнце. Они в тяжелых латах с утра стоят в боевых порядках, а мы в лесу. Выходить пока не будем. Смотри, как земля у кромки леса размокла от ночного ливня. Коннице будет сложно выбираться на холм. Под тевтонами земля сухая, но до них еще нужно добраться. Ты всё помнишь, о чем мы с тобой давеча говорили?

— Мой господин, всё помню. Вместе с татарами атакую первую линию тевтонов, разведая, где заготовили немцы свои “волчьи ямы”, вызываю контратаку арбалетчиков и отступаю.

— Да, и не смей увлекаться боем! Немец — боец опытный. Находясь в ордене, я тактику тевтонов изучил довольно. Когда скажу, татарская конница по твоему сигналу ринется на первую линию, где у тевтонов в обозах спрятана артиллерия. Она окажется под градом ядер, но выживет, если только сможет быстро миновать линию огня. Смотри, вон там за палисадом они установили свои пушки. Скажу тебе, сын мой, я еще никогда не видел столько пушек на поле боя. Представь, как трудно и долго наша тяжелая конница будет преодолевать холм, взбираясь на возвышенность. Расчет крестоносцев прост — расстрелять большую часть конницы еще до того, как она вступит в бой. Если конница не выдержит, она развернется и сомнет свою вторую наступающую линию. В этой свалке свои потопчут своих. Но для того

я и позвал татар из Киева, чтобы они как ветер проскочили первую опасность.

— А хан знает, что наступать ему придется через “волчьи ямы” и пушки?

— Про пушки знает. А вот про “волчьи ямы”, заготовленные тевтонами для нас, татарам не говори. Не стоит их предупреждать. Пусть провалятся в них, да выбираются скорей. Им это несложно будет сделать — не то что закованному в латы рыцарю. Ты потому в атаке подотстань немного, скачи поодаль, да отмечай в голове, где основные опасности ждать нас будут. Про ядра не забывай, под обстрел не попади! Всё понял? И сними ты этот желтый плащ! В первой атаке он тебе ни к чему, слишком на татарском фоне выделяться будешь, глаза уж больно режет. Сверни. Как вернешься, разрешу надеть, а сейчас не смей! И вообще, зачем он тебе?

— Мой князь! — Молодой рыцарь буквально взлетел на коня и, встав во весь рост в стременах, распустил на левом плече узел от привязанного к спине тугого свертка. Это была рыцарская накидка. Ярко-желтый плащ из тяжелой ткани с вышитым на нем фамильным гербом рода Миткевичей упал с его плеч. — Я буду сражаться в этом желтом плаще, ибо нет у проклятых тевтонов права узорничать папские знамена! Посмотри, князь, неужто не понятно, зачем крестоносцы привезли на поле столь много знамен и хоругвей? То есть знак благословения их войска Святым престолом! Под черно-желтым стягом собрали они своих братьев со всего западного мира и идут убивать нас, как и убивали наших отцов и дедов, будто мы идолопоклонники, а не верные христиане. Дозволь мне не снимать сию накидку в знак того, что Господь с нами, и вера христианская ведет нас на праведный бой за свою землю и честное имя!

— Прекрасные слова, мой юный друг! Пусть будет по-твоему. А сейчас скачи к татарскому хану. Скажи ему, чтоб был готов к атаке на фланг крестоносцев, как только солнце встанет в зените, но без моего сигнала чтоб ни одна конская голова из лесу не показывалась. Скачи! Господь с тобой, мой мальчик! — Витовт, довольно ухмыльнувшись, проводил глазами вмиг удалившегося молодого рыцаря. На минуту он застыл, погружившись в тревожные думы, но завидев выехавшего из леса в сопровождении оруженосцев внука Дмитрия Донского — молодого русского князя Юрия Мстиславского, повернул к нему своего коня. Вместе они направились к заброшенному амбару, видневшемуся у края опушки.

Перед амбарными воротами Ягайло, кузен и друг Витовта, в окружении свиты и духовенства посвящал воинов земских хоругвей в рыцари. Этот обряд посвящения польский король совершал перед каждым новым сражением, успокаивая свои нервы и вселяя бодрый дух в своих вассалов.

Братья молча обнялись. Они, конечно, понимали, что вторгшись в пределы Тевтонского ордена, союзное польско-литовско-русское войско бросило крестоносцам вызов. На кон было поставлено само существование их балтославянских государств.

Да, к войне Витовт и Ягайло готовились тщательно. Поляки собрали изрядное войско, серьезно подготовили обозы к походу в земли ордена. Их король привел с собой 20-тысячную армию, в основном конную. Поляки шли под хоругвями краковской шляхты, как самой многочисленной и настроенной на победу.

Витовт же собрал под своими хоругвями весь цвет своего великого княжества. В то время как под командованием коронного гетмана Польши стояли тысячи католиков, готовых умереть за свою землю, в литовском войске преобладали православные воины — смоленские русские полки, литвины, белорусы, пруссы, бежавшие от тевтонского истребления — всего около 12 тысяч богатырей. К тому же Витовту удалось заключить союз с Ордой, выставившей на поле брани около двух тысяч легких татарских конников под командованием старшего сына хана Тохтамыша. Пехота же в основном состояла из крепостных холопов-язычников. Эти землепашцы из Жемайтии, вооруженные кто кольями, кто дубинами, имели с тевтонами особые счёты — за разорение своей земли, за поругание святынь, за истерзанных

и угнанных в полон детей и женщин. Перед боем литовские пехотинцы решили твердо — крестоносцев в живых не оставлять, всех предать смерти. Не обладая имущественной самостоятельностью, холопы не могли брать выкуп за пленных крестоносцев. Потому их руки были совершенно развязаны и чесались от желания передуть ненавистных извергов.

Конечно, они не ведали, в битве какого исторического значения им суждено сразиться. Да и не было на свете такого воина, кто бы думал об истории и лаврах, взойдя на поле, где сойтись ему придется в смертельном поединке со страшным по силе врагом. Да, они были готовы умереть за Честь и Родину, но надеялись в этой сече выжить.

* * *

— Есть ли новости от великого князя? Чего мы ждем? Мои батыры рвутся в бой! — хан Джелал Ад-Дин, собравший свою конницу на крайнем правом фланге войск Великого княжества Литовского, щурил глаза на молодого Миткевича. Животное под юным витязем хрипело и рвалось вперед, будто заразившись от своего седока азартом предстоящей битвы. Степан потрепал коня за гриву и легко спрыгнул на землю.

— Князь просил ждать. Князь знает крестоносцев. Среди них он провел столько лет, что всем нам стоит слушать не только его команды, но и советы! Скажи, хан, помнишь ли ты о нашем уговоре? Ты атакуешь первым. Твоя задача — проскочить линию огня и подавить пушкарей. На вторую линию тевтонов силы не трать, а вымани их лучше на встречный бой.

— Ты еще будешь учить моих славных воинов, как действовать в бою? — татарин расхохотался. Его почти женский смех вдруг сорвался на пронзительный визг. Сидевшие в седлах стражи-монголы дружно поддержали гоготом своего предводителя. — Передай великому князю, что Джелал Ад-Дин-хан сделает так, как мы с ним договорились. Я приведу крестоносцев под его копыта и пушки в обозе, а немецких пушкарей изрублю и в котле сварю, если хоть одно их ядро попадет в моих всадников. Но пусть и Витовт не забудет об обещании, данном хану Тохтамышу! Так и передай!

Миткевич взлетел на коня и, пришпорив его, помчался в расположение своей Гродненской хоругви. Завидев лихого земляка в ярко-желтом плаще, рыцари встретили его приветственными возгласами. В этот час последнего ожидания все были рады друг другу, ибо сейчас в рядах своих каждый был действительно свой.

* * *

— Смотри, брат, по-моему, у нас гости! — Витовт заставил польского короля обернуться. Два всадника, держа в руках тевтонский бело-желто-черный штандарт и папское бело-желтое знамя, отделились от первой линии крестоносцев и неспешной рысью стали спускаться к ставке Ягайло, расположившейся у заброшенного амбара. Приблизившись вплотную к свите польского короля и великого князя Литовского, они оголили свои мечи и вонзили их перед собой в сырую землю. Один из парламентаров поднял забрало головного шлема, украшенного страусиным пером, и хриплым голосом закричал: “Нас послал магистр Ульрих фон Юнгинген! Не прячьтесь по лесам и болотам, выходите на битву. Если вам мало места на поле, то мы можем отойти!”

Это был вызов к смертельному бою. Тевтоны больше не хотели ждать. Они были готовы драться. Второй парламентар поднял правую руку, и по его сигналу первые шеренги тевтонов отошли назад на сотню метров.

— Какое невиданное благородство! — рассмеялся Витовт. — Этот маневр мне знаком. Магистр, должно быть, думает, что мы клонем на эту приманку, обидимся и сломя голову бросимся в атаку. Смотри, Ягайло, тевтоны отступили туда, где заранее приготовились к обороне. Там у них пушки

в обозах. Ты обратил внимание, что, отходя, они слегка расступались перед поваленным на пашню сеном?

— Не вижу, ничего не вижу. — Король тщетно всматривался в передовые шеренги конных немецких рыцарей.

— Там ямы, брат, заложённые кольями и присыпанные сверху для маскировки сеном. Это они для тебя землянки приготовили, чтоб твои рыцари в них отдохнули! Ты их пока не видишь, но сейчас татары тебе их покажут! — Литовец залился смехом. — Давай обнимемся, брат! Вызов брошен. Мы отрежем этим бешеным тевтонским псам головы! — Кузены обняли друг друга за плечи, Витовт прищипорил коня и в сопровождении оруженосцев сорвался с места. Ему нужно было спешить. Сражение начиналось, и первый шаг должен был сделать именно он.

— Юрий! — Витовт подозвал к себе князя Мстиславского. — Миткевич от татар вернулся?

— Да, он в своей Гродненской хоругви.

— Скажи ему, пусть скачет к хану. Пора! Господь с нами!

Мстиславский развернул коня, хлопнул себя перчаткой по левой груди и радостно умчался прочь.

Сейчас, сейчас. Господи, как бьется сердце! Ну где же вы? А вот. Пошли...

“Лау-лау, ёхоуу!” — татары ринулись в бой. Их легкая конница вмиг пересекла пространство, отделявшее неприятелей, и по касательной врезалась в самый левый фланг крестоносцев. Татарские стрелы отлетали от тяжелых лат первой линии тевтонов, не причиняя им видимого ущерба, но по всему было видно, что такого начала боя крестоносцы никак не ожидали. Их пушкари явно замешкались с первым залпом. Возможно, им было жаль тратить ядра и выстрелы на эту летучую конницу. В конечном счете это стоило им жизни.

Несмотря на то что первые татарские всадники всё же провалились в заготовленные тевтонами “волчьи ямы”, им удалось оттуда быстро выбраться. Следующая же волна татар обошла ямы и накрыла тевтонских пушкарей. Охранявшие артиллеристов арбалетчики не смогли помочь своим погибающим товарищам — в завязавшейся в артиллерийских обозах рукопашной невозможно было отличить, где — свой, а где — чужой. Тевтоны мрачно наблюдали за тем, как татары рубят молящих о помощи пушкарей.

Закончив кровавый пир, укрывшись за обозами, татары тут же ввязались в перестрелку с пажами-арбалетчиками. Но не прошло и пары минут, как они вновь вскочили на своих быстроногих коней и, изображая панику, рванули прочь от крестоносцев. Увлеченные погоней, оказавшейся западней, конные арбалетчики-оруженосцы помчались за ними. Это была их смертельная ошибка. На полном скаку они смогли выпустить в спины своих неприятелей лишь по одной стреле. Перезарядить арбалет на скачущей лошади, в пылу боя, вынув одну ногу из стремя, и с ее помощью оттянуть струну и вновь зарядить арбалет — нет, эта задача оказалась им не по силам. Зато татарам стрельба из лука в преследующего их врага, поглощенного заряджением своего бесполезного в тот миг оружия, доставляла массу удовольствия.

Погоня за татарами захлебнулась. Немногие уцелевшие в этой скоротечной схватке арбалетчики-оруженосцы смогли вернуться из атаки к своим рыцарям. Командующий левым флангом армии тевтонов маршал Фридрих фон Валленрод был взбешен. Бой еще не успел начаться, а войска ордена уже лишились оруженосцев, призванных обеспечивать защиту рыцарей!

Наконец маршал поднял жезл. Забили в литавры, заиграли трубы. То был знак к наступлению тяжелой рыцарской конницы. Сомкнув ряды, братья-крестоносцы ринулись на войска Витовта. Железная армада копытами закованных в латы коней затрясла землю, вырывая из нее гигантские комы сырой глины. Тяжелая, раскаленная на солнце лавина надвигалась на ошестившиеся копьями первые линии обороны армии Великого княжества Литовского. Взмывшие на скаку белые рыцарские плащи образовали отвсвечивающий на солнце воздушный шлейф, несущий в атаку черные орденские кресты.

Вернувшись вместе с татарами из набега на тевтонскую артиллерию, молодой Миткевич уже мечтал о новом бое. Но то, что он увидел — стремительно сползающую с холма черную лаву крестоносцев с развевающимися

плащами и орденовыми знаменами, — сильно его взволновало. “Выдержать! Устоять!” — что есть мочи закричал он стоявшим подле него пехотинцам-литвинам. Но через мгновение сила железного удара конницы тевтонов смяла легковооруженных пеших воинов.

Рыцарское копьё проскочило мимо головы витязя всего в одном вершке, едва задев латы левого плеча и порвав надвое его желтый плащ. По инерции тевтон еще пролетел на своем коне пару метров и врезался всем своим корпусом в Миткевича. Рыцарь был грузен, и Степан чуть не потерял равновесие от глухого удара лат крестоносца. Враг оказался настолько близко, что витязь почувал запах его пота. Миткевич выгнулся в седле и, не обращая внимания на слетевший с головы шлем, нанес по спине рыцаря мощный удар клевецом. Топор пробил латы спины и перерубил позвоночник. Тевтон рухнул на землю. Витязь оттолкнул его осиротевшего коня ногой, и именно это спасло его от нового удара — на сей раз от меча пажка убитого им рыцаря. Лезвие скользнуло по его бедру и, отрикошетив вниз, силой своей инерции увлекло за собой нападавшего. В этот момент Миткевич сумел вновь поднять клевец и, замахнувшись, тут же обрушил всю мощь боевого топора на затылок пажка. Безжизненное тело немецкого воина-слуги легло рядом с его рыцарем.

Витязь поднялся в седле и оглянулся вокруг. Повсюду тевтоны теснили войска Витовта, хотя те и оказывали яростное сопротивление. Крестоносцы наседали с холма, и всё новые их линии усиливали натиск на княжеские хоругви. Лишь три русских смоленских полка стояли как вкопанные на месте. Они прикрывали левый край литовских войск — ближний к стоящей поодаль польской армии Ягайло, который только сейчас начал вводить против стоящих перед ним крестоносцев свою конницу.

Смоляне гибли под мечами и копытами тяжеловооруженных тевтонов, но с занимаемых позиций не сходили. На этом участке фронта шла сплошная сеча. Лязг железа, воинственные крики, испуганное ржание тысяч лошадей и стоны людей — всё это превратилось в один вой, укутавший поле брани.

Неожиданно единый строй тевтонов дрогнул. Под напором наваливающихся сзади товарищей часть крестоносцев увлеклась преследованием литовских хоругвей и сдвинулась далеко за холм. Напоровшиеся же на сопротивление смоленских полков тевтоны застыли на месте, будто бы налетели на скалу. Рыцарский кулак разжался. В образовавшуюся брешь устремились татары. На сей раз в их руках оказались уже не луки со стрелами, а арканы. “Лау-лау!” — ловкие азиаты набрасывали петли на шеи рыцарей и сбрасывали их с седел. На земле скованную латами добычу уже поджидали крестьяне-литвины. Подручными средствами — кто дубинами, кто трофейным оружием, кто своим княжалом, а кто просто ногами — они добивали тевтонов, а сбившиеся в кучу лошади затаптывали их в глину.

Но тут в войсках поляков случилось несчастье. Миткевичу, бившемуся в расположении смоленских полков, показалось, что на соседнем фланге — в войсках Ягайло — произошло что-то непоправимое. Приободренные звуками труб и радостными криками скорой победы, тевтоны взвинтили темп сечи. Удары их мечей становились от раза к разу всё тяжелее — будто у немцев открылось “второе дыхание”.

Внезапный порыв крестоносцев был вызван гибелью от удара копыта польского знаменосца. И хотя его большой королевский штандарт с белым орлом был тут же подхвачен стоявшими рядом с ним слугами Ягайло, тем не менее тевтоны восприняли это как Божий знак и начали петь псалмы в благодарность Пресвятой Деве Марии за скорую победу. Это был самый опасный момент всей битвы.

— Степан! Я сзади! Не оборачивайся! Я иду к тебе! — Миткевич услышал крик князя Витовта. Несколько воинов-исполинов из его стражи прорубали сквозь тевтонов коридор к его ученику, сражавшемуся сразу с двумя крестоносцами. Один из гигантов, вооруженный алебардой, со второго ряда стаскивал немецких рыцарей с коней, второй — с помощью шестопёра — гвоздил их к земле.

— Эй, желток! По плащу твоему желтому, мальчик мой, узнал тебя. Слушай внимательно. Мы свою задачу выполнили, но королю Ягайло сейчас

худо. Не придем ныне на помощь ему, сомнут крестоносцы его войска и потом все вместе за нас возьмутся. Бери свою Гродненскую хоругвь, бери всех, кто еще в седле держаться может, и заходи в тыл тевтонам, что при Великом магистре в резерве стоят. Атаковать вторую линию бубновых будешь с холма. Солнце тебя в спину подгонять будет, потому есть у тебя преимущество в начале атаки. Сумеешь им воспользоваться — победа будет за нами. Давай! Пошел!

— Да, мой князь! — Миткевич рванул коня и, перескочив через бьющуюся в агонии тевтонскую лошадь, вылетел из схватки. Разорванная желтая накидка как знамя реяла за ним. Через несколько минут собранный им конный отряд уже заходил за спину тевтонскому резерву.

Поле битвы стало похожим на многослойный пирог. Тыл поляков был атакован резервом тевтонов, а у них самих в тылу появились литвины. Тевтоны оказались в “котле”.

Предчувствуя скорую и неминуемую гибель, рыцари бились отчаянно и обреченно, рыча как дикие звери. Они погибали, даже не прося о милосердии, ибо знали, что за их злодеяния прощения и плена им не будет. Они сами лишили себя такой милости и дрались, желая лишь забрать с собой на тот свет как можно больше язычников и православных воинов Витовта.

“Я убью Великого магистра! Я убью Великого магистра!” — скрежетал зубами Миткевич. Он все ближе пробивался к свите крестоносцев, отбивавшей от наседавших литвин главу ордена рыцаря Ульриха фон Юнгингена. Наконец молодой витязь достиг седла могучего оруженосца, прикрывавшего спину магистра, и молниеносным ударом киевца сшиб его с коня.

Юнгинген, чуя опасность, обернулся. Было видно, что он уже ранен или оглушен — на его шлеме глазная прорезь была искорежена лезвием меча. Великий магистр, казалось, безучастно смотрел на приближающегося к нему Миткевича. “Все кончено!” — сказал он по-немецки и медленно, с достоинством, поднял на противника свой меч. Через мгновение боевой топор витязя раскрошил его шлем и череп. “Все кончено!” — повторил Миткевич, наблюдая, как медленно оседает на коня поверженный враг, как заваливается он на бок и, застряв ногой в стремях, волочится по земле за уходящим прочь конем. “Все кончено!”

СЕМЬЯ

Отец умер в конце марта. Мы все — мама, сестра, тетка, я, моя жена — стояли рядом с ним. Когда он перестал дышать, доктор с грустными глазами накрыл его лицо белой простынейю.

Маму мы сразу забрали домой. Быстро собрали и вынесли на мороз все их вещи. Мама вспомнила, что забыла в палате, где осывало тело, какую-то сумку. Я зашел туда и первый раз в жизни почувствовал, что присутствие мое в комнате с покойником меня никак не беспокоит. Это мой батя лежал рядом. Мой большой друг.

— Отец, я так и не успел рассказать тебе про Грюнвальдскую битву. Ты так и не узнал, откуда в нашей фамилии появилось забавное прозвище “Жолток”. Но это не так важно! Важно другое. Отец, спасибо тебе за то, что ты был в моей жизни! Мы все гордимся тобой — я и мой сын. Вырастают внуки, и мы расскажем им о тебе. Ведь это так важно, когда у тебя есть отец!